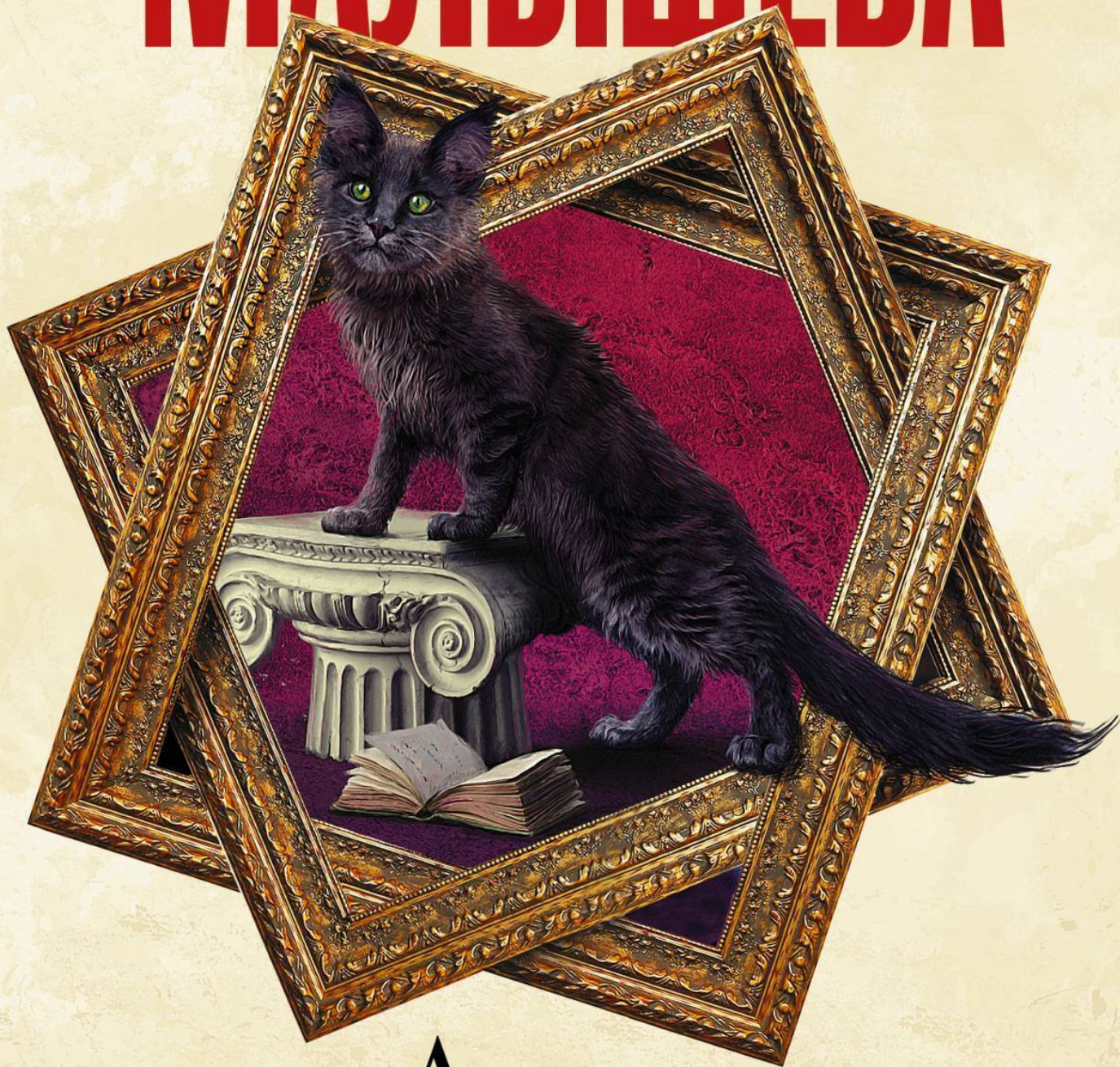

анна
МАЛЫШЕВА

Алтарь
Тристана

арт-детектив

Художница Александра Корзухина-Мордвинова

Анна Малышева
Алтарь Тристана

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Малышева А. В.

Алтарь Тристана / А. В. Малышева — «Издательство АСТ»,
2014 — (Художница Александра Корзухина-Мордвинова)

ISBN 978-5-17-147188-0

Пропавшие шедевры порой оказываются уничтоженными. Исчезнувшие люди порой исчезают навсегда. На этот раз Александре предстоит вернуть к жизни не только давно утраченный барельеф...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-147188-0

© Малышева А. В., 2014
© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Малышева

Алтарь Тристана

Глава 1

Всю ночь с крыши лилась талая вода и в водосточной трубе, проходившей прямо за окошком мансарды, ворчал и клекотал, как рассерженный ворон, нарастающий поток. Этот шум врывается в сон Александры и странным образом преображал его. Сначала она видела ворону, сидящую на письменном столе, заваленном бумагами. Птица распускала крылья и раскрывала клюв, издавая хриплые звуки. Засмотревшись на нее, художница внезапно ощущала в комнате чье-то присутствие. А обернувшись, видела стоящего у дальней стены мужчину, в котором узнавала человека, погибшего прошлой осенью¹. Александра не испытывала страха при виде его, только печаль. Ей хотелось поговорить с ним, но она не могла произнести ни слова. Потом мужчина исчезал, и на том месте, где он стоял, оставалось лишь солнечное пятно на дощатой стене. Затем появлялся поезд, он несся по заснеженной равнине. Александра сидела на нижней полке, сцепив руки в замок и обхватив ими колени, и следила за тем, как за окном в темном синем небе несется полная луна. Ее зеленоватый фосфорический блеск завораживал женщину. Александра пыталась вспомнить, куда она едет, но не могла: журчащий шум колес путал ее мысли, и без того несвязные, будто чужие...

...Стук в дверь разбудил женщину, разорвав ткань ее сна, уже истончившуюся, сквозь которую все яснее пробивались звуки реального мира. Александра села в постели и, ежась, натянула на грудь покрывало. Осознав, что стук ей не приснился, женщина вскочила, натянула свитер и торопливо подошла к двери.

– Открой же! – послышалось с лестничной площадки. – Ты там жива?

Узнав голос Стаса – скульптора, который занимал мастерскую на третьем этаже заброшенного особняка, уже много лет служившего ей пристанищем, Александра немедленно отворила дверь.

Сосед, против обыкновения, был чисто выбрит. Его лицо, поразительно напоминающее лик фавна, изваянного античным скульптором, казалось свежее и даже моложе. Буйные каштановые кудри, спускавшиеся до плеч и почти не тронутые сединой, еще хранили следы мокрых зубьев расчески. Зато шрам поперек лба – память о неудачном романе и стычке с мужем соблазненной женщины – багровел особенно зловеще. Вероятно, умываясь, Стас тщательно его тер.

– Какой ты сегодня! – не удержалась Александра. – Прямо жених!

– А что же... – скульптор пожал плечами, оглядывая обширный чердак, целиком отданный под мастерскую. Его взгляд перебегал из угла в угол, цепляя груды сложенных старых холстов, кипы книг, ломящиеся от папок с бумагами полки. – Может, и женюсь еще. Ты одна?

– Как всегда.

Женщина отметила, что скульптор одет не в халат, с которым расставался лишь выходя в город. Сегодня его могучие плечи обтягивал джемпер, в вырезе Александра с изумлением узрела свежую, выглаженную рубашку. Таким элегантным она не видела Стаса никогда за многие годы их знакомства и соседства.

– У меня к тебе просьба... – помявшись, нерешительно проговорил тот. – Нижайше прошу...

---

¹ Читайте роман Анны Малышевой «Дом у последнего фонаря».

– Да все, что хочешь! – озадаченная, ответила она. – Только денег у меня сейчас почти нет, но в ближайшее время ожидаю получить с одного клиента, я ему две картины чистила, глянец наводила...

– Нет, какие деньги! – отмахнулся Стас. – Деньги у меня есть, напротив, тебе же хотел предложить, за услугу. Понимаешь, я уезжаю. И может быть, надолго. Надо присмотреть за моей мастерской. Ключи я тебе оставляю.

– А Марья Семеновна?! – воскликнула Александра.

– Она тоже едет, только к родне, в Подмосковье. У нее там сестра заболела, так что нужен уход.

– Получается, я остаюсь здесь одна... – упавшим голосом проговорила женщина.

– То-то и оно. Ведь ты останешься?

Александра промолчала. Остатки сна окончательно покинули ее. Новость была убийственная.

Этот старый особняк, в самом центре Москвы, в одном из кривых переулков Китай-города, вымирал уже давно. Он находился в ведении Союза художников, и когда-то мастерские в нем считались престижными. Но время шло, здание ветшало и постепенно превращалось в трущобу. Батареи центрального отопления давно лопнули, горячей воды не было давно, а холодная едва поступала на верхние этажи. Зато в подвале ее хватало с избытком, он стоял затопленным. Первый этаж оккупировали крысы. На втором и третьем остались две условно жилые квартиры, только одна из которых была занята. Там обитал скульптор со своей домработницей, моделью, нянькой и музой, как он сам всегда ее аттестовывал, – Марьей Семеновной, суровой старухой с несгибаемым характером и железными зубами. Четвертый этаж пустовал давно – там провалились полы. Выше была лишь мансарда, которую вот уже тринадцать лет считала своим домом Александра.

Их осталось всего трое, самых упорных, неподдающихся обитателей обветшавшего строения, и они бессознательно держались друг за друга. Каждый опасался, как бы не оказаться последним. Александра была свидетелем того, как один за другим исчезали владельцы мастерских. Кто-то нашел помещение со всеми удобствами, кто-то уехал из города, кто-то умер... Художница знала, как ленив и безалаберен Стас, и верила в то, что скульптор ни за что не согласится расстаться с вольной жизнью, которую вел в этом доме. Марья Семеновна, осуждавшая каждого уехавшего и даже умершего (полагая, вероятно, что последние имели выбор и распрощались с жизнью по своему малодушию и пристрастию к комфорту), не раз говаривала, что останется в доме до тех пор, пока не начнут рушиться стены. И вот, они уезжали...

– Что с тобой? – тревожно спросил Стас, наблюдавший за ее лицом. – Ты, часом, плакать не собираешься?

Александра машинально поднесла руку к лицу, коснулась век тыльной стороной ладони. Рука осталась сухой, но женщина ощущала, что слезы близко. Она и сама не ждала от себя такой эмоциональной реакции. Ей приходилось, особенно в последнее время, сталкиваться с тяжелыми испытаниями, терять близких людей, друзей, попадать в опасные передрыги, из которых не всегда удавалось выйти благополучно... Но женщина не плакала, ей казалось, что она просто разучилась это делать. Очень давно, с тех самых пор, как четырнадцать лет назад переступила порог этой мансарды вслед за своим мужем, художником, давно уже покойным... Именно в пору жизни с ним она и усвоила простой урок – слезы ничем не помогут.

Но сейчас художница была готова разрыдаться. Стас, как многие мужчины, боялся женских слез. Видя состояние соседки, он заторопился и преувеличенно бодрым тоном произнес:

– Ну, так договорились? Присмотришь за моим хозяйством? Ключи – вот... – Он почти насильно вложил ей в ладонь три ключа на кольцо. – Деньги я оставил там, на столе, войдешь и увидишь...

– Постой, ты уезжаешь прямо сейчас?! – воскликнула она.

– Да, вещи уже отнес в машину. Меня ждет друг, на улице. Подкинет в аэропорт.

– Куда же ты?

– В Черногорию. На натуру, понимаешь.

– Какая натура... – протянула женщина. – Твоя натура – это бюсты богатых покойников да надгробные памятники, с их же портретами... Все вдохновение – дома, не сходя с места!

Именно изготовление памятников и доставляло скульптору основной и часто немалый доход. «Для себя» он творил мало и обычно бросал работу неоконченной, отвлеченный то очередным заказом, то запоем, то романом с юной моделью или скорбящей по утраченному мужу клиенткой. Стас оскорбленно дернул чисто выбритым подбородком:

– Ну да, конечно, я ремесленник, деляга, а ты – адепт чистого искусства! Давно писала что-то? Все чужие картинки реставрируешь или бегаешь по Москве, всякую дрянь перепродаешь.

– И не скрываю этого! – заносчиво ответила Александра. – Кто бы говорил про чистое искусство!

– Так отказываешься, что ли?

Женщина перевела дух и заставила себя успокоиться. «Стоит ли ругаться? Не нам с ним упрекать друг друга. Оба вынуждены зарабатывать деньги. Но он уедет, и я останусь одна во всем доме...»

Эта мысль ее ужасала. Она подняла глаза на Стаса, стоявшего в выжидательной позе, чуть подавшись вперед.

– А что же Марья Семеновна, уже уехала?

– Утром еще. Отправил ее малой скоростью на историческую родину. Поскрипела своими кашеевыми зубами, но сдалась. Так присмотришь?

– Идет, – вздохнула женщина, опуская ключи в карман висевшей на спинке стула куртки. – Что же делать...

– Тогда у меня будет к тебе еще поручение! – оживился Стас. – Сделай милость, выручи по-дружески! Придет клиентка, может, даже сегодня, забрать заказ. Ты ей, пожалуйста, открой, проведи в мою пещеру и отдай, что причитается. Она сама знает что.

– Рискованно! – заметила Александра. – А если она не найдет свой заказ? У тебя же там завал. Ты меня просвети, что она конкретно будет искать?

– Стенную нишу, а на задней стенке барельеф, небольшой, – Стас обрисовал размеры несколькими размашистыми движениями рук. – Метр на шестьдесят сантиметров. Отливка из гипса.

– Надгробное что-то? – уточнила Александра.

Скульптор неожиданно задумался и после паузы кивнул:

– Вроде того... Сюжет религиозный, бегство в Египет, Иосиф и Мария на ослике. Но на надгробье не похоже.

– Тогда это ниша для домашней молельни, – авторитетно заявила Александра. – Для Европы это больше характерно, чем для наших краев. Любопытно будет взглянуть.

– Любопытно, так взгляни! – кивнул Стас. – Забавная штука получилась. Мне за нее уже уплачено, так что дело пятиминутное – встретишь клиентку и проводишь. А больше я в Москве вроде никому ничего не должен...

Они вздохнули почти одновременно, Стас – облегченно, Александра – тяжело. Женщине вспомнились ее собственные невыполненные, много раз отложенные обязательства перед клиентами. Всю зиму она не могла себя заставить взяться за работу. Едва опомнившись от недавних событий, которые чуть не довели ее до беды, едва перестав ждать наказания за преступление, которого она не совершала², Александра попыталась отвлечься от тягостных вос-

---

² Читайте романы А. Малышевой «Суфлер», «Трюфельный пес королевы Джованны».

поминаний и заняться делом – она набрала заказов на реставрацию. Снять слои старого лака, от которых картины становились желтыми, почти коричневыми, промыть картину, восстановить утраченный местами красочный слой, а то и грунт, перетянуть обвисший холст, освежить полотно глянцем... Это Александра проделывала сотни раз, работа не требовала участия ума, души и сердца, руки выполняли ее сами, автоматически, как бы играючи. Оплачивались такие работы не очень высоко, но позволяли худо-бедно прожить, при условии, что в неделю она брала на реставрацию две-три небольшие картины.

Но отец, легший после новогодних праздников на обследование в больницу и недавно вышедший оттуда, нуждался в ее постоянном внимании, так же как и мать – растерявшаяся вдруг, поникшая, превратившаяся в большого ребенка. Александра каждый день ездила к родителям и возвращалась до того расстроенная (врачи все еще не сказали ничего определенного), что руки опускались. Она часами сидела перед картиной, установленной на мольберте, слушая звенящую тишину мансарды, ни о чем не думая, лишь томясь смутной тревогой. Изредка к ногам художницы прижималась кошка – единственный ее компаньон в этом чердачном уединении. Порою налетевший ветер грохотал полусорванным листом кровельного железа на крыше, над самой ее головой. Женщина приходила в себя, смачивала губку в растворителе, проводила ею по картине и вновь замирала, глядя в пространство, не замечая ни полотна, ни ласкавшегося зверька, присутствуя в мастерской телом, но отсутствуя душой. В такие минуты ей казалось, что она уносится далеко от неприятностей и невзгод и находит приют и успокоение где-то вдали, в солнечном тумане, в который погружалась внутренним взором. Но, опомнившись, Александра тяжело страдала оттого, что действительность отторгала ее воображение.

Работа шла туго, она задерживала заказы, придумывая новые и новые отговорки. И вот – начало апреля, первые настоящие весенние дни, о которых говорила ей оттепель, шум талых вод в желобе за окном, яркий солнечный свет, игравший на полу мансарды... А она ничего, ничего не сделала за зиму, не успела. «Я вхожу в эту новую весну с одними долгами и тревогами... Мне даже порадоваться нечему!»

– Езжай, не беспокойся! – сказала она, очнувшись от мыслей и увидев, как сосед беспокойно топчется на месте. Стасу явно не терпелось исчезнуть. – За квартирой присмотрю, нишу передам. Только... Как я узнаю, что она явилась, твоя заказчица? Дай хотя бы телефон, позвоню, уточню, когда ее ждать.

– Да у меня нет ее номера! – с досадой ответил скульптор, занесший уже было ногу за порог. – Ты уж покарауль в моей мастерской, говорю же, она сегодня собиралась приехать!

– Нет номера? – озадачилась Александра. – Как же это?

– Да просто, она мне никогда не звонила, – Стас обернулся и прислушался к тишине на лестничной площадке. – Пришла прямо в мастерскую, обо всем условилась и заплатила вперед. Оставила заказ, а я назвал дату, когда забрать. Я ведь опоздаю на самолет, того и гляди...

– Поезжай! – женщина дружески хлопнула его по плечу. – Счастливой дороги! И как надолго ты пропадаешь?

– Может, до лета. Месяца на два, на три.

Шаги уже затихли внизу, до ее слуха донесся отдаленный шум захлопнувшейся двери подъезда, а художница все стояла на пороге. Ею овладело оцепенение, глубокое, отстраненное спокойствие. Александре больше не было страшно остаться одной, слезы, так и не пролившись, высохли. Она закрыла дверь.

– Мы остались с тобой одни! – сказала она черной кошке, высунувшей острую внимательную мордочку из-под скомканного одеяла.

Зеленые глаза животного сузились, превратившись в щелочки. Послышался громкий, все нарастающий по интенсивности и темпу урчащий звук.

– Чему ты радуешься? – вздохнула Александра, включая старенькую электрическую плитку.

Цирцея, продолжая урчать, села и принялась месить передними лапками одеяло. Затем яростно вылизала себе бок, не замолкая при этом ни на миг. Она всегда спала с хозяйкой, если ночевала дома. Эта кошка, подобранная когда-то на улице уже взрослой, время от времени вспоминала вольную жизнь и удирала. Она скиталась по окрестным дворам, заводила интересные и полезные знакомства, питалась милостыней продавщиц соседних магазинов, как самая настоящая бродяжка. Но неизменно возвращалась в мансарду, каждый раз с таким снисходительным видом, будто делала Александре большое одолжение.

Женщина сварила кофе, угостила кошку припасенной с вечера сосиской. Заглянув в шкафчик, обнаружила там несколько сухариков, спрятанных в стеклянной банке с закручивающейся крышкой. Холодильник у нее сломался давно, да он был и ни к чему в мансарде, вечно выставшей, продуваемой сквозняками от щелистого пола до низко нависшей крыши. Продукты (обычно немногочисленные) хозяйка хранила в банках с крышками, уберегая их тем самым от внимания крыс и мышей, ничуть не боявшихся кошки. Цирцея, первое время пытавшаяся охотиться на грызунов, вскоре охладела к этой забаве.

Обитательницы мансарды позавтракали, устроившись рядышком на краю постели. Цирцея расправилась с сосиской, похрустела кусочком предложенного сухарика и, прыгнув на пол, направилась к двери.

– К обеду-то вернешься? – в шутку спросила Александра.

Никакого обеда, как обычно, она готовить не предполагала. Более чем спартанский быт не позволял ей возиться с готовкой, да она и не умела толком готовить. Чаще всего художница покупала что-то готовое и разогревала.

Кошка, обернувшись, беззвучно мяукнула, широко раскрыв розовую пасть. Александра встала и отперла ей дверь. Цирцея черной тенью скользнула на лестницу и пропала из виду.

Женщина смахнула со стола крошки, ополоснула кружку из-под кофе. Ей пришлось чуть не две минуты стоять у старой раковины, покрытой черными пятнами отбитой эмали, подставив кружку под позеленевший латунный кран, точащий из стены, чтобы набрать воды для символического мытья. Сегодня вода текла еле-еле, тонкая струйка, с вязальную спицу, то и дело прерывалась совсем. Прибравшись, Александра набросила на плечи куртку, висевшую на спинке стула. В кармане звякнула связка ключей, оставленная Стасом.

«Придется провести день у него в мастерской». – Опустив руку в карман, женщина достала ключи. Ей все не верилось, что она вдруг осталась в доме совсем одна. Вспоминались категоричные высказывания домработницы Стаса, утверждавшей, что она покинет этот дом, разве когда пригонят бульдозеры, его сносить. Марья Семеновна твердила, что она одна останется верна этому разваливающемуся гнезду, покинутому почти всеми его насельниками. И вот – исчезла, даже не простившись.

«Быть может, ей было стыдно прощаться со мной», – думала Александра, собирая сумку. Она решила взять с собой несколько каталогов, которые давно собиралась просмотреть, и попробовать дочитать книгу, которую осенью привез ей из Германии друг, – интереснейший трактат, посвященный реставрационным ошибкам. По-немецки она читала медленно, со словарем, так что знакомство с трактатом затянулось на полгода.

Собравшись, художница заперла железную дверь и спустилась на третий этаж. Александра впервые отпирала дверь квартиры, где обитал скульптор, «своими» ключами. Она подсознательно опасалась услышать тяжелую торопливую поступь Марьи Семеновны, ее резкий, неприветливый окрик: «Кого Бог принес?» Хотя Александра и знала, что никого не встретит, ее не покидало ощущение, будто она совершает нечто незаконное.

В прихожей, обычно загроможденной ведрами и тазами, в которых скульптор отмачивал тряпки, чтобы заворачивать глиняные модели, предохраняя их от преждевременного высыхания, царил непривычный порядок. Опорожненные ведра были составлены в пирамиду и скромно приютились в углу. С вешалки исчезли все наряды Марьи Семеновны, которые у

старухи водились в изобилии. Жители района давно привыкли к ее диковинному виду. Муза скульптора одевалась как городская сумасшедшая, причем тяготела к роскоши. На ней можно было увидеть старинный бархатный халат, подпоясанный парчовым кушаком, атласные туфли на покривившихся каблуках, с пряжками из стразов, или растоптанные ботфорты, сродни мушкетерским. На тощей морщинистой шее всегда была накручена тряпица, кружевная, шелковая или шерстяная, смотря по погоде. В холода Марья Семеновна блистала в старом мужском пальто с барашковым воротником, а в жару в ее руках появлялся веер со сломанными планками из слоновой кости. Старуха обмахивалась им с яростным видом, словно предупреждая возможные насмешки. На голове неизменно красовался убор, также полученный в дар от какого-нибудь художника, избавлявшегося от хлама, накопившегося в мастерской. Все, что служило прежде для позирования и преображения моделей, а затем покрывалось пятнами, изъедалось молью, ветшало, – все поступало в свой срок в гардероб Марьи Семеновны. Теперь крючки на вешалке были пусты.

«Неужели все тряпье увезла с собой? – с грустью подумала Александра. – Значит, и в самом деле надолго уехала...»

Она прошла в столовую, где Стас обычно угощал приятелей. С длинного стола сутками не сходило угощение – водка, соленые огурцы, вареная колбаса, нарезанный толстыми ломтями серый хлеб... Марья Семеновна, пекущаяся, помимо всего прочего, о нравственности своего подопечного, считала пьянство в кругу друзей мужского пола небольшим злом и вполне приемлемым заменителем разврата. Она прощала Стасу любую, самую безобразную пьяную выходку, шумную компанию, скандалы и бессонные ночи, когда ей приходилось угощать и разнимать собутыльников, но появление рядом с ним женщины приводило старуху в бешенство. Стас шутил, что лишь из-за своей «музы» остается холостяком, опасаясь за жизнь будущей супруги («ведь чиркнет ножичком по горлу в брачную ночь!»). На самом деле такой цербер его вполне устраивал. Когда роман, скоропалительный и случайный, изживал себя и начинал тяготить свободную натуру скульптора, он словно бы невзначай сталкивал свою возлюбленную с «музой». И ни одна любовница не осмелилась после этого приключения вернуться в мастерскую.

Сейчас столешница была начисто протерта. Посередине, прижатые сахарницей, виднелись несколько купюр, оставленных для Александры. Та взяла их, пересчитала. «Три тысячи рублей. Как всегда, кстати, только за что я их беру? Раз в день, проходя мимо, проверить, заперта ли дверь? Ну не за эту же услугу – дожидаться клиентку, отдать ей нишу... Да, ниша!»

Она прошла в соседнюю комнату, где располагалось рабочее место скульптора. Здесь ее тоже встретил необыкновенный порядок. Марья Семеновна перед отъездом навела чистоту в гнезде своего подопечного, обычно не допускавшего ее к уборке этой комнаты. То было единственное место во всем доме, где власть суровой старухи не имела силы. Марья Семеновна смирялась с ограничением, почтительно отступая перед гением своего подопечного, – ибо она искренне считала Стаса гением, который вынужден разменивать свой дар на изготовление бесчисленных памятников и бюстов, чтобы иметь кусок хлеба. Основной статьей расходов скульптора был, конечно, не хлеб насущный, а разнообразные напитки и женщины. Но «муза» поэтизировала образ своего непутевого питомца.

Прибранная комната казалась чуть не в два раза больше прежней. Исчез мусор, копившийся по углам, комья засохшей глины, разорванный мешок с гипсом, из которого сочилась тонкая струйка белой пыли. Широкий топчан, на котором отдыхал от трудов и неумеренного потребления алкоголя скульптор, был аккуратно застелен чистым, полинявшим от многих стирок, голубоватым льняным покрывалом. В комнате стало светлее: с окна была снята занавеска, которую Стас, презиравший буржуазные условности, использовал для вытирания испачканных глиной рук. Модели для заливок аккуратно выстроились рядами на полках стеллажа, сколоченного из необструганных досок. Некоторые были прикрыты тряпицами.

Готовая работа лежала на столе, у окна. Александра увидела ее еще с порога и, приблизившись, с любопытством оглядела.

Увиденное ее несколько удивило. Она давно уже отмечала шаблонность применяемых скульптором приемов. Тот за многие годы так свыкся со штамповкой однотипных сюжетов надгробных плит, для которых ему часто заказывали барельефы, что все его работы носили кладбищенский, похоронный характер.

«На этот раз что-то новое... Подобными евангельскими сюжетами Стас еще не занимался, и ему... удалось!» – вынуждена была признать Александра, заранее настроившаяся на критический лад.

Отлитая из гипса, тщательно отшлифованная ниша предназначалась для того, чтобы крепить ее на стену. На дне можно было установить несколько свечей, или статуэток, или небольшую вазочку с цветами. В глубине ниши, на слегка вогнутой стенке, был выполнен барельеф на библейский сюжет: Иосиф ведет под уздцы ослика, на котором сидит Мария, прижимающая к груди младенца. Барельеф был отполирован до блеска и покрыт сверху бесцветным лаком, отчего выделялся на общем шероховатом фоне и слегка мерцал.

«Если бы в нише стояла свечка, эффект мерцания был бы усилен! – думала Александра, разглядывая работу и все больше удивляясь ее изящной, почти схематичной простоте и тонкости исполнения. – Что ж, его можно поздравить с удачей... Жаль только, барельеф этот исчезнет и никогда не будет выставлен... Скорее всего! Надеюсь, Стас догадался хотя бы сфотографировать его?»

На стеллаже она заметила старый «поляроид», который скульптор одолжил у нее еще в начале зимы, но забыл вернуть. Она и сама забыла о фотоаппарате. Он был ей нужен лишь для работы, чтобы фотографировать объекты на продажу, для демонстрации клиентам, а работа этого рода не перепадала уже несколько месяцев. Александра и сама ее не искала, хотя это был самый надежный и обильный источник заработка. Художница чувствовала, что былой азарт охотницы за предметами старины, дававший ей некогда смелость идти до конца в самых рискованных исследованиях, делать удивительные открытия, угас. Она ощущала усталость, у нее было только одно желание – отдохнуть, физически и душевно.

«Какой был странный прошедший год, сколько вместил загадок, опасностей и потерь!» – думала она, беря с полки фотоаппарат и проверяя, готов ли тот к работе. Беспечному скульптору ничего не стоило сломать «поляроид» и забыть об этом ничтожном пустяке. Но Александра беспокоилась напрасно, аппарат был исправен и заряжен. Настроив его, приноровившись к освещению в комнате, Александра сделала несколько снимков ниши. Фотографировать белый гипсовый барельеф, да еще утопленный в глубине ниши, было делом непростым, но все же она поймала игру теней, благодаря которой изображение получилось рельефным. Положив «поляроид» и сделанные снимки в сумку, женщина достала оттуда припасенный каталог и уже собралась расположиться на топчане, чтобы с удобством дожидаться прихода заказчицы, когда ее насторожил явственный треск половиц, донесшийся из столовой.

«Я не заперла дверь!» – запоздало вспомнила Александра. Выйдя из комнаты, она увидела на пороге столовой молодую женщину. Та при виде художницы насторожилась и подалась назад, словно собираясь убежать.

– Вы за нишей пришли? – спросила Александра.

– Да, – оправившись от неожиданности, ответила гостья. – Готово?

– Конечно. Мне поручили дождаться вас и передать работу.

– А где сам Станислав? – Визитерша явно была раздосадована таким оборотом дела.

– Он уехал. – Александра отметила, как при этих словах по лицу женщины пробежала тень. Только что растерянное, оно сделалось жестким. – Но работа полностью готова, так что... Да вы взгляните!

Она жестом пригласила гостью следовать за собой. Пройдя в мастерскую, женщина тут же бросилась к нише, лежавшей на столе на виду. Жадно осмотрев ее, она замерла, как будто в задумчивости. «Не хватало только, чтобы ей не понравилось и она не приняла работу! – встревожилась Александра, молча наблюдавшая за реакцией гостьи. – Стас просто-напросто подставил меня... Что я буду делать, если она потребует свои деньги обратно?! Он мне даже адреса не сказал, куда едет, да еще будет ли отвечать его телефон...»

– Куда он уехал? – спросила гостья, не поворачивая головы. Она не сводила взгляда с барельефа.

– В Европу... – уклончиво ответила Александра. – Не знаю точно. Он так спешно собрался, закинул мне ключи и попросил передать вам нишу. Я ничего не знаю!

Ей вдруг пришло в голову, что интерес гостьи к отъезду скульптора может иметь второй смысл. Стас был так неразборчив в своих связях, что приставал к женщинам, независимо от возраста и внешней привлекательности, хотя «для души» предпочитал соблазнять молоденьких моделей. Однако объектами его пылкого внимания становились и клиентки намного его старше. Александра, порой встречая его пассив на лестнице, поражалась всеядности соседа.

«Быть может, и тут роман?! А если Стас хотел его разорвать и потому сбежал? Может, вовсе и не в Черногорию! – Эта мысль ее повеселила, она едва удержалась от улыбки. – Но на этот раз я хотя бы могу понять, что его сподвигло...»

Гостье на вид нельзя было дать и тридцати. Красавицей ее назвал бы не всякий. Возможно, кому-то ее лицо показалось бы даже странным. Узкое, болезненно бледное, востроносое – при взгляде на него рождалась мысль о том, что женщина не очень здорова физически. «И нервна, должно быть!» – сделала вывод Александра. О беспокойном состоянии гостьи можно было судить и по тому, что у нее непрестанно трепетали веки – мелко, чуть заметно. Это был едва наметившийся, но все же явственный нервный тик. Глаза, большие, миндалевидные, темно-голубые, были действительно очень красивы, но тонкие губы, тронутые розовой помадой, хранили такое выражение, словно женщина собиралась сказать что-то неприятное. Она была очень интересна, с длинными черными волосами, разбросанными по плечам, с гордой осанкой, холеными руками, стройной шеей. Александре, глядевшей на нее, подумалось вдруг, что эта женщина должна хорошо танцевать. «Может быть, даже профессионально!» Одета визитерша была скромно: таково было первое впечатление от серого пальто до колен, клетчатого шарфика, большой черной сумки, которую она сжимала под мышкой. Но Александра, хотя и не была искушена в моде, все же инстинктивно уловила дорогостоящий «ореол» этих, с виду неброских вещей. Зато духов визитерша не использовала – стоя рядом, художница не чувствовала даже тени аромата. Ей вспомнилось мнение, высказанное когда-то в ее присутствии приятелем, мнившим себя знатоком женских душ. «Нарядная ухоженная женщина, которая не любит духи, – это всегда большая оригиналка. И обычно стерва!»

– Так не делается, – нарушила молчание гостья. – Почему он не дождался меня? Я назвала точную дату...

– Я не могу сказать, почему он спешил, – терпеливо ответила Александра. – Конечно, у него были причины. Наверное, срочная работа.

– Но он еще не сдал эту! – Женщина гневным жестом указала на гипсовую нишу.

У Александры сжалось сердце.

– Но ведь все сделано, согласно вашим пожеланиям, – нерешительно произнесла она. – Или... нет?

– Он ошибся. – Лицо заказчицы передернул тик, на этот раз уже более отчетливый, затронувший и левую щеку, и угол рта, зловеще исказивший ее облик. – Все нужно переделывать! Все!

– Но что конкретно не так? – Александра едва сумела выдать эти слова, прозвучавшие жалко и виновато, хотя сама она не имела к ошибке скульптора никакого отношения. – Ведь вы, как он мне сказал, заказывали барельеф на тему «Бегство в Египет»? С этим самым сюжетом?

– Персонажи те же, – отрезала женщина. – Но это – не бегство. Он сделал «Возвращение из Египта».

– То есть?! – Художница склонилась над нишей, изумленно обводя взглядом фигуры на барельефе. – Как вы это различаете?

– Да очень просто. Существует порядок, который не изменяется уже два тысячелетия! – отрезала та. – Если процессия движется слева направо, то это бегство в Египет. Если справа налево – возвращение из Египта. Сами взгляните, что он наделал!

И верно, фигуры, изображенные на барельефе, двигались справа налево и были обращены к зрителю левым профилем.

– Это очень важно? – после тяжелого молчания спросила Александра.

– Тут все важно. – Женщина, вопреки ожиданиям, заговорила спокойнее. Она явно взяла себя в руки. – Я думала, опытному мастеру не надо объяснять такие простые материи.

– Как же быть? – Услышав сдержанный ответ заказчицы, Александра, ожидавшая скандала, чуть приободрилась.

– Я уже сказала – переделывать. Деньги я заплатила вперед, думала, это вдохновит скульптора. Теперь понимаю, что зря это сделала! Без денег он бы не уехал, дождался меня!

– Действительно, платить заранее рискованно, – вздохнула Александра. – Что ж, придется дожидаться, когда вернется Стас.

– Это совершенно невыносимо! – воскликнула гостья. – Я называла этот срок как самый крайний! Просила сделать еще раньше, по возможности, но Станислав сказал, что не успеет, и мы сошлись на этом дне! И вот что получилось!

У художницы голова шла кругом. Она молча проклинала Стаса, уже подозревая его в том, что он так спешно уехал по простой причине: обнаружил свою ошибку и пожелал переложить неприятные разбирательства на чужие плечи. Нужно было что-то решать. Заказчица смотрела на нее сердито и вопросительно, словно ожидая немедленного ответа.

– Я попробую найти другого мастера, и он все переделает, – сказала наконец Александра. – Потребуется, конечно, время... Но за образец возьмут этот барельеф, ведь к самим фигурам у вас претензий нет? Сделают с них слепок, отольют новую форму... Отделка, полировка... Скажем, неделю это займет.

Гостья отмахнулась и присела на край подоконника, с которого, к счастью, была смыта корка застарелой грязи. Лицо женщины стало серым, словно подернулось слоем пепла. Александра испуганно шагнула к ней:

– Вам плохо?!

– Да, что-то голова кругом... – Заказчица растирала лоб тыльной стороной ладони и морщилась. – Разволновалась...

– Не переживайте так, я постараюсь все уладить как можно быстрее! – пообещала Александра. – Не знаю, правда, как быть с оплатой, Стас вернет деньги, само собой, но другой скульптор может не согласиться работать в кредит... Хотя все можно решить. Через неделю ваша ниша будет готова!

– Нет, вы не понимаете... – Женщина уронила обессиленную, слабую, словно у тряпичной куклы, руку. Ее лицо, искаженное гримасой страдания, казалось маской. И вновь Александра отметила в ее манере держаться некое актерство, позу, хотя заказчица в этот миг вряд ли играла.

– Это катастрофа, – продолжала гостья. – Если ниша не будет у меня уже завтра утром, поймите – утром! – случится страшное несчастье! Как я могла положиться на человека, которого впервые видела!

– О боже... – только и сумела вымолвить ошеломленная Александра. Ей никак не верилось, что из-за малоценного куска гипса кто-то может стать несчастным.

– Да, только на Божью милость и остается рассчитывать, – горько ответила заказчица. – Ждать неделю я не могу. У меня нет недели! То есть, ее нет у человека, для которого все это делалось... Он болен, понимаете? Ему осталось, может быть, два-три дня... Или даже меньше... Точно никто не знает. Я и так рисковала не успеть, но он каким-то чудом тянул, я пообещала, что завтра алтарь будет у него... А теперь все кончено!

Внезапно всхлипнув, она растерла кулаком разом покрасневшие глаза:

– И для него, и для меня!

Потрясенная, Александра увидела, как эта холеная, элегантная женщина боком сползла с подоконника на затоптанный пол и, прижавшись щекой к проржавевшей чугунной батарее, в голос разрыдалась, содрагаясь всем телом.

Глава 2

Ирина – так представилась гостя, когда художнице удалось немного успокоить ее, посадить на топчан и предложить стакан воды (на кухне, к счастью, исправно работал кран), действительно, оказалась в тяжелом положении. Александра выслушала ее историю и вынуждена была признать, что оплошность, совершенная Стасом во время работы над барельефом, может обернуться трагедией.

– Мой муж, – Ирина судорожно сделала последний глоток и поставила опустевший стакан на пол, – работает сейчас по контракту во Франции. Он художник-оформитель. Его пригласил очень престижный театр, и, конечно, от таких предложений не отказываются. Я тоже имела отношение к сцене, но оставила ее... И кажется, – лицо гостыи передернул сильный тик, – навсегда, хотя в моем возрасте, в двадцать восемь лет, никто еще на пенсию не уходит, без серьезных травм...

– Вы танцевали? – вырвалось у Александры.

Женщина взглянула на нее широко распахнутыми, изумленными глазами, словно проснувшись:

– Как вы угадали?

– Вы похожи на балерину, я сразу подумала, – призналась Александра.

– Нет, не совсем так, – снисходительно поправила ее Ирина. – Я действительно окончила балетное училище, но ушла из классического балета в современный танец. Участвовала в нескольких шоу, в России и во Франции. Там и познакомилась с мужем. Мы работали в одном театре, над одной постановкой. Поженились через несколько месяцев... А потом я узнала, что у него здесь, в Москве, остался тяжелобольной отец, за которым некому ухаживать. Все это время Иван посылал из Франции деньги одной женщине, которая присматривала за стариком, но потом с ней возникли серьезные проблемы, и, в конце концов, мы отказались от ее услуг. Надо было срочно решать проблему, и мы с Иваном договорились, что я поеду в Москву и все возьму на себя... – Ирина развела руками и с горькой улыбкой заключила: – Так я и сделала, и вот уже два года здесь, мучаюсь одна...

– С вашей стороны очень великодушно, оставить карьеру ради помощи больному свекру! – Александра с уважением смотрела на нее. – Постойте, это не для него ли вы заказывали нишу?

– Именно для него, – кивнула Ирина. – Тут, видите ли, непростая история...

...Больной свекор оказался человеком капризным, чему Ирина, впрочем, не удивилась. К этому она была готова.

– Если человек день и ночь мучается от боли, его раздражает, если рядом живет кто-то молодой и слишком здоровый, – грустно сказала женщина.

«А вид у нее не цветущий, – размышляла тем временем Александра, глядя на бледное, измученное лицо гостыи и ее безостановочно трепещущие веки. – Но может быть, это результат двух лет ухода за капризным стариком?»

– Больше всего Виктор Андреевич возмущался тем, что сын не сам приехал, а прислал меня. – Ирина невесело улыбнулась. – Как будто я не была бы рада остаться там, в Париже, заниматься любимым делом. Ведь я сознательно, добровольно поставила на себе крест! Когда бросаешь танцы на год-другой, бросаешь их навсегда. Я немного тренировалась дома, заглядывала иногда в тренажерный зал, но что это значит по сравнению с ежедневными нагрузками, выступлениями, гастроями... А Иван никак не мог приехать в Москву! Не может и сейчас! Он нужен там каждый день, к тому же шоу постоянно ездит на гастроли. В случае самовольного отъезда ему грозит огромная неустойка, понимаете?

Она встала и обняла себя за локти, словно вдруг озябнув.

– Я закрыла для себя возможность вернуться на сцену. Мое место тут же было занято... Как водится! Но все бы ничего, если бы Виктор Андреевич вел себя чуть терпимее. Он иногда бывает невыносим! Видит бог, я терплю, но порой хочется сбежать от него куда глаза глядят!

Ирина взглянула на художницу напряженно, вопросительно, словно пытаюсь понять, сочувствует ли та ее невзгодам. Александра, которую отчасти смущала такая внезапная, бьющая через край откровенность постороннего человека, все же кивнула:

– Да, вам не позавидуешь! К тому же, вы говорите, от этой ниши зависело нечто важное, и вот, беда... А если не секрет, что может произойти, если ее не предоставят вашему свекру тотчас?

Ирина, помедлив, ответила:

– Боюсь, нечто действительно ужасное. Это наше внутреннее, сугубо семейное дело, но мне больше не к кому обратиться за помощью, только к вам! И вы должны понять, насколько это важно! Если ниша не будет у меня завтра, завтра же утром, Виктор Андреевич уничтожит завещание, сделанное им в пользу сына! Иван, единственный законный наследник, останется ни с чем, а все получит совершенно посторонний человек, аферист! Аферистка, точнее!

Александра изумленно всплеснула руками:

– Да что это за бесценная реликвия такая?! Спору нет, барельеф красивый, но это же просто гипсовая поделка, только и всего!

– Для вас и для меня это кусок гипса, – кивнула Ирина. – Для старика это имеет совсем другое значение.

...Женщина рассказывала, волнуясь, стараясь не упустить ни одной подробности, то и дело заглядывая Александре в глаза. Взгляд ее сделался таким молящим, несчастным, что слушательнице было неловко его встречать. И чем яснее для художницы становился смысл повествования, тем больше она озадачивалась тем, как разрешить возникшую проблему в короткие сроки. А решать надо было немедленно, как следовало из краткой исповеди Ирины.

– Видите ли, – гостя молитвенным жестом сложила руки, – мой свекор человек с некоторыми причудами. Вполне извинительными, правда! Он много лет вдовее, мать моего мужа умерла, когда Иван был еще совсем маленьким, двухлетним, он ее даже не помнит. И Виктор Андреевич, и жена его покойная работали в театре, не в Москве, а на Урале. Они тоже были художниками-декораторами. Когда у них родился Иван, Виктор Андреевич решил переселиться в столицу, и это ему удалось, в конце концов. Правдами и неправдами перевелся в московский театр и перевез мальчика с женой от деда с бабушкой, своих родителей. Вскоре после переезда жена тяжело заболела и умерла. Больше он не женился, хотя мог бы, наверное, мужчина был интересный. Но память о жене он хранил свято! Сына растил один...

– Это огромная редкость, такая верность в наше время! – Александра проникалась все большим интересом к рассказу. – Понятно, что он очень дорожит единственным сыном, ведь он посвятил ему всю жизнь!

– Сыном – да, но не мной! – с горечью ответила молодая женщина. – Меня он принял постольку-поскольку, Иван попросил. И два года я терпела его капризы, жила вдали от мужа, вкалывала как сиделка и прислуга, как нянька... Только им-то платят, с ними считаются, они всегда могут уйти, если им нагубят... А я... Я не могла!

Женщина, сникнув, замолчала, ее голос словно растаял в наступившей внезапно тишине. Александра не торопила ее, не задавала вопросов, рвущихся у нее с языка. Она уже поняла, что с нишей связана совсем не обычная история, которая не имеет ничего общего с банальной прихотью заказчика.

– Иван, когда звонил мне из Парижа или из другого города, где они в тот момент находились на гастролях, всякий раз говорил: «Потерпи, отец очень болен, я никогда не забуду того, что ты за ним ухаживаешь!» – Женщина вновь подняла глаза и взглянула на свою безмолвную

слушательницу. – Верится вам в его благодарность? Сдерживают люди такие обещания или нет?

– Как знать? – рискнула усомниться Александра. – Иные ничего не обещают, а помнят добро, другим можно всю жизнь посвятить, и благодарности не дождешься. Вы сами должны знать своего мужа.

– Так-то оно так, – нехотя согласилась Ирина. – Но мы так долго живем в разлуке! Он мог измениться... Теперь я ни в чем не уверена, и в нем меньше всего!

...В последнее время свекор чувствовал себя намного хуже. Консультировавший его на дому доктор, прежде настаивавший на госпитализации, вдруг заявил, что в этом нет уже особого смысла. Ухудшение продолжалось с самых новогодних праздников. Месяца полтора назад мужчина наконец заявил невестке, что предвидит свою близкую кончину.

– И с тех пор он не мог больше ни о чем говорить! Твердил, что уверен: умрет в апреле, никак не позже первой декады. Именно в этих числах скончалась его жена. Вот, вбил себе в голову... И в связи с этим вдруг потребовал очень странную вещь, а именно – чтобы ему немедленно прислали с родины гипсовую нишу работы жены.

Александра вопросительным жестом указала на барельеф, и гостя кивнула:

– Да, именно такую. Но только «Бегство в Египет», а не «Возвращение».

– Погодите! – изумленно воскликнула Александра, – но ведь эта ниша сделана только что?!

– Конечно, это лишь копия той... – пожала плечами Ирина. – Я отдала скульптору фотографии, к счастью, они сохранились в семейном архиве. Свекор сам мне их показал, когда рассказывал о нише. А то, что бы я делала... Но сама ниша утрачена. Ее когда-то давно разбили, и осколки выбросили. А эта работа была по особенным причинам дорога супругам. Мать сделала ее, когда родила Ивана, сидя дома, не ради денег, а для души. Она не была религиозным человеком, к слову, но беременность сделала ее более экзальтированной... Ей захотелось изобразить библейский сюжет, где была бы затронута семейная тема... Так говорил мне свекор, во всяком случае. Ниша после переезда семьи в Москву осталась на Урале, у родителей Виктора Андреевича. Конечно, теперь стариков на свете нет...

– А ваш свекор разве не знал, что оригинал уничтожен? – спросила Александра, разглядывая барельеф.

– Получается, не знал... – вздохнула Ирина. – Он говорил о нем как о существующем. У пожилых людей такое случается – что-то выпадает из памяти, и они верят в то, что себе вообразили. Я, по просьбе Виктора Андреевича, связалась с людьми, которые получили наследство после его родителей. Его старшая сестра умерла, остался ее муж, дети, ко всему равнодушные родственники... И они меня огорошили тут же, что никакой ниши у них и не было, она разбита давным-давно, еще до того, как родители увезли маленького Ивана в Москву. Что мне было делать?! Виктор Андреевич твердил только об этой нише, что без нее он не умрет спокойно. Договорился до того, что, если я не добьюсь, чтобы нишу немедленно прислали, Иван может забыть о завещании в его пользу! Сын, мол, и так перед ним страшно виноват, отделивался подачками, прислал для ухода меня, хотя должен был приехать и ухаживать сам... И много чего еще наговорил, не буду даже повторять! – Женщина провела рукой по лбу, поморщившись, как от боли. – Ну, я посоветовалась по телефону с мужем, и мы решили что-то предпринять... Ниши не вернуть, но ведь остались фотографии, которые его мать сама же когда-то сделала, окончив работу... Если это для старика так важно... – И после тяжелой паузы женщина добавила: – Боюсь, теперь нам конец. Свекор и так всегда искал повод, к чему бы придраться, а теперь и искать не нужно. А эта проходимка, конечно, воспользуется моментом, чтобы оставить Ивана ни с чем... Он далеко, а она всегда рядом!

– Но кто эта особа? – поинтересовалась Александра. – Родственница?

– Если бы! – отмахнулась гостья. – Это та самая ловкая дамочка, которая ухаживала за свекром в первое время, пока Иван не спохватился. Нина распродавала коллекции свекра, распоряжалась деньгами и, если бы мы не вмешались, получила бы и дарственную на его квартиру! Когда я приехала, мне пришлось буквально выкинуть ее вещи на лестницу, со скандалом! Она еще пыталась мне угрожать, заявляла о каких-то своих правах... До конца ее выжить не удалось, он звонит ей чуть не каждый день, просит приехать, и она, само собой, тут же появляется. Виктор Андреевич, назло мне, держится с ней как с родной, а со мной... Я для него враг номер один!

Ирина, словно позабыв о собеседнице, говорила, глядя в никуда, ее глаза лихорадочно горели, на бледных щеках проступили розовые пятна.

– Что я скажу ему завтра? – Очнувшись, она взглянула на молча слушающую Александру. – Что никакой ниши давно нет, а я хотела подделать семейную реликвию, чтобы скрасить ему последние дни? Чтобы не рассорить его с сыном? Он не станет даже слушать!

– А вы уверены, что он заметит эту... скажем, неточность? – Александра указала на барельеф. – Ведь оригинала у него перед глазами не было уже очень давно. Так-то, за исключением направления процессии, ниша получилась похожей?

– Он все заметит! Фигуры похожи как две капли воды, – уныло ответила Ирина. – Но вот перевернутое изображение... Почему так получилось?

– Я могу предположить, что Стас упустил из виду эту подробность, когда готовил модель для заливки, – сочувственно проговорила художница. – Он сделал эскиз по снимку, затем выполнил модель... А когда залил ее гипсом, выпуклая сторона, естественно, оказалась зеркально перевернутой... У него это, очевидно, просто вылетело из головы, или же он думал, что это не имеет никакого значения, если рисунок будет соблюден в точности...

«Или же он был пьян и не разменивался на такие мелочи!» – добавила она уже про себя. Ирина тем временем оттянула рукав пальто и взглянула на часы.

– Что же мне делать? – прошептала она. – Как я домой вернусь без ниши?

– Я вижу два выхода, – Александра положила руку на плечо отчаявшейся женщине. – Первый – рискнуть и отдать вашему свекру нишу такой, как она есть. А если он заметит подмену, что ж, придется рассказать правду... Может, его даже растрогает то, что вы пытались его уберечь от разочарования.

Ирина замотала головой, ее длинные черные волосы разметались по плечам:

– Нет, ни в коем случае! Я-то его хорошо знаю! Он ничего никому не простит!

– Тогда остается второе, – терпеливо продолжала художница. – Отдать заказ на нишу другому мастеру. Вашему свекру придется подождать недельку.

– Как я это объясню?! – воскликнула Ирина. – Поймите, я и так сплела целую историю с пересылкой ниши из Екатеринбурга! Мне очень трудно было объяснить, почему нишу нельзя отправить поездом, уплатив проводнику, или разориться на курьерскую доставку. Плела какой-то вздор, якобы хрупкие и громоздкие предметы не принимают... Придумала, наконец, что кто-то из их тамошних дальних родственников едет в Москву и может привезти нишу с собой.

– Значит, придумайте еще одну историю, – развела руками Александра. – Нам нужно время, чтобы все исправить.

– Историю! – Гостья подняла глаза к потолку с потрескавшейся штукатуркой. – В мои истории он больше не поверит...

Переведя взгляд внезапно расширившихся глаз на собеседницу, женщина издала тихий взглас, похожий на вскрик испугнутой птицы.

– Что? – забеспокоилась Александра.

– Если бы вы согласились! – воскликнула Ирина. – Вы могли бы приехать к нам и рассказать ему, что видели, скажем, как нишу упаковали в Екатеринбурге, но тот человек, который должен был ее привезти, заболел и будет в Москве только через неделю!

– И вы считаете, мне он поверит? – с сомнением спросила художница.

– Он поверит кому угодно, только не мне и не сыну! – с горечью констатировала Ирина. – Так уж он настроен кое-кем! Да вы не бойтесь, это минутное дело – главное, он вас не знает, вы не моя подруга... Он уже такой старей, сплошные причуды! Вам он поверит сразу!

Александра колебалась недолго. Она окончательно убедилась в том, что ей придется помочь незадачливой клиентке, когда попыталась дозвониться до Стаса и услышала в трубке, что телефон выключен.

– Он летит в самолете, – пробормотала она. – Ну что ж, раз уж это поручено мне и раз вы в таком сложном положении... Для начала найду мастера, переделать нишу. Вы готовы будете еще раз оплатить работу? Стас вернет деньги, когда вернется сам, конечно же.

Ирина горячо пообещала оплатить услуги нового мастера и даже предложила Александре комиссионные – за посредничество и хлопоты, связанные с убеждением свекра. Та отказалась и от первого, и от второго.

– Ну, что там, мне достаточно сделать пару звонков, и нишу возьмут в работу. За подобные вещи даже стыдно деньги брать! А с вашим свекром я поговорю, уж просто в качестве компенсации за то, что произошло. Я не виновата, конечно, но Стас-то виноват! Он должен был в точности воспроизвести ту нишу, которая была на снимке, а не заниматься самодеятельностью. Что поделает! Даже великие мастера порою делали роковые ошибки, а он... Он обычный, хотя и талантливый человек.

Они обменялись номерами телефонов и уговорились, что Ирина позвонит вечером и расскажет придуманную историю, которую Александра завтра утром досконально передаст больному старику. Прощаясь с гостьей (та выглядела слегка успокоенной), художница твердила про себя, что сделала все, что обязана была сделать.

«Конечно, мы идем на прямой подлог и обман, – рассуждала она, провожая Ирину и запирая за нею дверь мастерской Стаса. – Но, во-первых, мы выдаем новоделный гипс всего лишь за новоделный гипс, и малоизвестного мастера – за такого же. Во-вторых, старик очень болен, и это делается для того, чтобы скрасить ему последние дни жизни. Ну, и материальные интересы наследников задеты, конечно... Хорошо, что Ирина сказала об этом прямо, а не стала разыгрывать благородство – мол, жалеет старца, только и всего печали... Лишиться наследства из-за куска гипса в самом деле доля незавидная! Да еще какая-то аферистка маячит...»

Александра в течение двух часов нашла по телефону скульптора, с которым общалась когда-то и помнила его как хорошего профессионала. Тот, уяснив, в чем состоит задача, взялся изготовить нишу за четыре дня.

– Матрица, которую сделал Стас, не поможет, – заявил он. – Разве что при формовке новой ниши. А вот контррельеф для фигур придется делать заново, по старому можно воспроизвести только прежний оттиск. Придется делать оттиск ниши и все формовать. Хотя бы фото оригинала есть?

К счастью, предоставленные ранее заказчицей фотографии в целости обрелись на стеллаже: в этом женщины убедились еще до ухода Ирины, совместно осмотрев мастерскую. Александра договорилась подождать скульптора в мастерской. Тот обещал приехать в течение часа.

– Аванс получишь на днях, – сказала она напоследок. – И прошу, не затягивай, потому что это для очень больного человека. Он может просто не дожить до радостного момента встречи с твоим шедевром.

Игорь (так звали мастера) пообещал сделать все возможное, чтобы уложиться в назначенный им срок.

– Но не раньше, чем в четыре дня! – сказал он. – Да и то, если все брошу и ради тебя займусь только этим! По твоим словам, ничего сложного, но выдержать залитый гипс – сутки, отделка, полировка, лакировка барельефа... Шлифовальной машинкой не везде отделаешься, придется вручную, и мелким наждачком, и замшей пройтись, и бархаткой... Да и ниша по

размерам внушительная, гипс будет дольше схватываться... Так что я ограничен материалом и техникой. Ведь нужно, чтобы все было по высшему классу!

И Александра подтвердила, что рисковать качеством не стоит.

– Один рискнул уже, – проворчала она, кладя в карман замолчавший телефон.

Александра не без злорадства представила себе вытянутое лицо Стаса, узнавшего о том, что ему придется вернуть деньги, полученные за работу. Но худшим наказанием было другое: о промахе скульптора неизбежно узнают коллеги, и это упущение надолго станет поводом для шуток, зачастую очень злых. «Ну и поделом ему! – подумала она все еще под впечатлением встречи с Ириной. – Кинул мне ключи, оставил подачку и подсунул запоротый заказ! Может, он и сам в последний момент понял, что придется объясняться с клиенткой, вот и сбежал!»

– Что скажешь?

Женщина нарушила молчание, когда пауза, на ее взгляд, чересчур затянулась. Скульптор приехал меньше чем через час после звонка. Теперь он разглядывал нишу, сличая ее с изображением на трех снимках, обнаруженных в мастерской.

– Стас отличился, что еще сказать, – ответил Игорь, выпрямляясь и не сводя с ниши оценивающего взгляда. – Пьян был?

– Было бы удивительно, если бы нет, – пожала она плечами.

– Сама по себе работа сносная, но вот этак запороть композицию... Разве что нарочно?

Александра выразительно развела руками, показывая, что не решается ничего предполагать. Сама она, уже с большой уверенностью, считала, что скульптор понял свой промах и сбежал, предоставив ей выпутываться и объясняться. Телефон Стаса все еще не отвечал. «Быть может, он и не собирается его в ближайшее время включать, паразит этакий!»

Она с беспокойством смотрела на Игоря. Казалось, скульптор озадачен чем-то, и все-ррез, – он все еще не мог оторваться от созерцания барельефа, не слишком, на взгляд художницы, оригинального по сюжету и исполнению. Игоря она ценила выше, чем своего непутевого соседа. Скульптор он был средний, ничем не прославившийся, но и не оскандалившийся, подобно Стасу, очень добросовестный. Для изготовления копии в рекордные сроки ничего другого и не требовалось. И вот он явно в чем-то сомневался.

– Ну, что такое? – не выдержала Александра.

– Видишь ли... – медленно, после паузы, проговорил Игорь. – Странное какое-то изображение. Я понял, что евангельский сюжет, ничего загадочного для меня в нем нет. Но фигуры... Ты заметила?

– Да что?! – воскликнула женщина. У нее сжалось сердце от недоброго предчувствия. Ничего хорошего от этой ниши она уже не ожидала. – Не понимаю, о чем ты!

– Иосиф, Мария, ослик, пальмы на заднем плане – все на местах. Но младенец... Обрати внимание – его словно бы и нет?

– Что ты имеешь в виду?! – Александра указала место на барельефе. – Вот же, вот, у Марии на руках!

– Ты считаешь, эти складки ее головного покрывала символизируют собой спеленатого младенца? – упрямо возразил Игорь. – Это просто покрывало свесилось с плеча на локоть. У нее ничего нет в руках. Я специально рассмотрел, мне же с этим работать. Это и не бегство в Египет, и не возвращение. Как хочешь, младенца тут нет. Это все происходит еще до Рождества Христова, если можно так выразиться.

– Не понимаю. – Александра взяла снимки, внимательно в них взгляделась, поднеся к свету. Комнату заливало ослепительное апрельское солнце, в веселых, обновленных лучах которого убожество старой неказистой обстановки особенно резало глаз. – Складки это или спеленатый младенец – дело не наше, а заказчика. На снимках то же самое, да и у клиентки

были претензии только к направлению движения фигур. Так что, я вижу одну задачу – воссоздать барельеф в его первоначальном виде. Что там автор имел в виду, нас не касается.

И скульптор с нею согласился.

– Я это отметил, чтобы после ко мне претензий не было, – сказал он на прощание, упаковав увесистый сверток, который они вдвоем тщательно обвязали шпагатом. – Один-то раз уже неудача вышла. Начнут допытываться – где младенец? Значит, буду делать в точности по модели Стаса, но в зеркальном отражении.

* * *

Ирина позвонила вечером, когда Александра возвращалась от родителей. Художница была бесконечно воодушевлена тем, что ей сообщила мать, тайком от мужа, отведя дочь на кухню и шепча на ухо. Самые грозные подозрения врачей, на которые косвенно указывали анализы, не подтвердились: можно наконец вздохнуть спокойно.

– А почему ты это держишь в такой тайне? – спросила заинтригованная дочь. – Разве отец еще не знает?

И мать, смущаясь, путаясь в словах, сбивчиво объяснила, почему не торопится сообщать радостную новость мужу.

– Понимаешь, – неуверенно говорила она, боясь встретить взгляд Александры, – он впервые начал меня немного слушать. Начал выполнять рекомендации врачей, следить за здоровьем. Вот и анализы улучшились. А если я ему скажу, что опасности нет, он почти здоров, что же будет? Он бросит пить таблетки и через год заболеет по-настоящему!

– Но нельзя же оставлять его в таком заблуждении! – возразила изумленная дочь. – Он может заболеть и от мрачных мыслей! Если засыпать и просыпаться с мыслью, что у тебя страшная болезнь, то она обязательно придет!

Мать вынуждена была с нею согласиться и, скрепя сердце, обещала на днях сообщить мужу радостное известие. Отец, вероятно, все же что-то подозревал. Когда Александра прощалась с ним, он пытливо всматривался в ее сияющее лицо, но вопросов не задавал.

...Впервые за последние три месяца, с тех пор, как она узнала о болезни отца, у нее было так легко на сердце. Александра летела по улице, затем, не торопясь, шла через парк, к метро, наслаждаясь весенним пьянящим воздухом, заметно остывшим к вечеру, но все еще несущим в себе ванильную сладость оттаявшей почвы, перепревших палых листьев. Сквозь голые, неопушившиеся деревья виднелось розовое предзакатное небо, умиротворенное, словно румяное лицо спящего ребенка.

Женщина думать забыла о том, что случилось утром; вся тяжесть зимних тревог и сомнений таяла вместе с последними комьями почерневшего снега, еще видневшимися на рыжих газонах. Ей хотелось скорее взяться за работу. Она твердо намеревалась, вернувшись домой, просидеть до утра, заканчивая статью, давно заказанную специализированным изданием для экспертов и коллекционеров антиквариата. Несколько месяцев она откладывала работу в долгий ящик, и ей даже перестали звонить по этому поводу. Но теперь Александра почувствовала неожиданный приступ вдохновения.

Она мысленно дописывала статью, придумывая эффектные и вместе с тем информативные пассажи, когда у нее в сумке зазвонил телефон.

– Я не знаю, что делать, – громким шепотом проговорила, наспех представившись, ее новая знакомая. – Он не желает ложиться спать! Нервничает, капризничает! Я сказала, что нишу привезут через неделю, он устроил истерику! Боюсь, не кончилось бы это совсем плохо...

– Что же делать? – Александра остановилась, не доходя нескольких метров до ворот парка. – Ему правда так дурно от одного этого известия?

– Дурнее обычного, а этим много сказано... – уныло ответила Ирина. – Мне так неудобно вас просить, но если бы вы согласились приехать к нам прямо сейчас... Это в центре, неподалеку от вашего дома.

– Я сейчас не дома, но... Хорошо, – согласилась Александра. – Я приеду.

Мысль о пожилом больном человеке, которого требовалось успокоить, неожиданно переплелась у нее в сознании с мыслями об отце. Всю зиму она боялась худшего, и вот теперь, когда опасность миновала, исчезла, как дурной сон, Александра боялась ненароком навлечь ее снова – хотя бы отказом в помощи...

– Приедете? В самом деле? – недоверчиво переспросила Ирина. – Я вам очень благодарна... Только что вы скажете? Мы не условились, как следует...

– А что вы сами ему рассказали?

– Посылка упакована и ждет, когда ее перевезут в Москву, что же еще... Давайте я вас представлю как жену того человека, который привезет посылку! – осененная, с воодушевлением воскликнула Ирина. – Это будет самое надежное!

– Нет, мне это как-то не по душе, – замялась Александра. Она не могла понять, чем ей претит такой вымысел, но сама мысль называться чьей-то женой вызывала у нее отторжение. Груз двух несчастливых браков не позволял ей фантазировать на эту тему.

– Ну что же тогда... – озадачилась Ирина. – Может, вы просто знакомая этого благодетеля? Были там, на Урале, в командировке и он попросил вас сообщить, что задержится по болезни?

– Мне что-то кажется, это недостаточно убедительно. – Художница все еще сомневалась. – А если ваш свекор попросит телефон этого неведомого благодетеля? Почему бы им не созвониться и не поговорить напрямую? Зачем еще какой-то посредник в виде меня? Наверное, разумнее договориться со скульптором, которому я отдала нишу в работу. Он сможет сказать вашему свекру пару слов по телефону, что болен, скоро приедет, а ниша в порядке...

Ирина мелодично, неожиданно весело рассмеялась:

– Ну что вы, это ни к чему не приведет! Виктор Андреевич совершенно глух! Последние два года он не слышит вообще ничего, зато отлично приноровился читать по губам. Чтобы поговорить, ему нужно видеть лицо собеседника!

– Хорошо, – смирилась Александра. – Пусть будет по-вашему, пусть я буду знакомая того человека.

Записывая адрес, она ощущала внутреннее сопротивление. Ей предстояло лгать, лгать много, а это противоречило блаженному, умиротворенному настроению, в которое она было погрузилась.

«Почему мне не удастся побыть счастливой хоть недолго? – думала художница, спускаясь в метро. – Как только я почувствую радость, ощущу гармонию своего существования, скажу себе, что все наконец хорошо – как тут же является неприятность, да еще крупная!»

Ей претило вмешиваться в дела незнакомой семьи, но ситуацию нужно было спасать. Стас по-прежнему не отвечал на звонки, и Александра поклялась себе, что эта выходка обойдется ему куда дороже оставленных им денег.

Глава 3

И впрямь, заказчица жила неподалеку от того места, где обитала сама художница. Старинный серый дом в Кривоколенном переулке находился в пятнадцати минутах ходьбы от вымершего особняка, где располагались мастерские.

Ирина ждала внизу, у подъезда. Завидев приближавшуюся женщину, она бросилась к ней:

– Я вышла навстречу, чтобы вас предупредить! Пожалуйста, обязательно скажите им, что вы видели нишу и с ней все в полном порядке!

– Им? – переспросила неприятно удивленная Александра.

– Да, он потребовал позвать эту... Нину, – лицо Ирины исказила гримаса отвращения. – Без нее отказывался разговаривать.

– И вы не могли возразить? – Александра следила, как тонкие, подрагивающие пальцы молодой женщины нажимают кнопки на кодовом замке подъезда. Дверь с писком открылась, Ирина нетерпеливым жестом пропустила художницу вперед.

– Что толку возражать? – буркнула она, входя вслед за гостьей в подъезд. – Эта проходимка своего влияния на свекра ничуть не утратила. Приходит как к себе, ведь он сам ее зовет. Препятствовать я не могу, у меня нет права голоса... Знали бы вы, что я от них терплю! Если бы не Иван!..

В неярком свете ламп, освещавших просторный, окрашенный бледно-желтой краской подъезд, лицо Ирины казалось особенно уставшим, даже изможденным. Теперь Александра дала бы ей не меньше сорока.

– Второй этаж, – опережая вопрос, произнесла Ирина. – Держитесь, не давайте себя сбить. Они что-то подозревают, кажется. Говорите спокойно, будто вас ничто не волнует.

«Меня и правда ничто не волнует! – заметила про себя художница. – К счастью...» Поднявшись на второй этаж, Александра вслед за Ириной остановилась перед старинной двустворчатой дверью, обитой черным потертым дерматином. Ирина потянула на себя одну створку и вошла в квартиру. Александра последовала за ней.

Обширная прихожая встретила вошедших женщин настороженной тишиной. Под высоким потолком, беленым последний раз лет двадцать назад, покрытым тут и там рыжими следами протечек, горела пятирожковая люстра. Пыльные, узкие желтые плафоны, овеваемые дрожащими нитями паутины, источали густой, как подсолнечное масло, свет. Ирина молча, с сердитым, разом застывшим лицом разделась и, взяв у Александры пальто, повесила его на крючок старинной вешалки, увенчанной отполированными оленьими рогами.

В прихожую выходило несколько дверей, но лишь одна была открыта. Туда они и вошли.

– Вот, – сказала Ирина, прикасаясь к локтю своей спутницы. – Я ее привела.

Обращалась она к щуплому пожилому мужчине, сидевшему в глубоком кресле, спиной к окну-эркеру. С одной стороны кресла высилась пыльная пальма с косматым стволом. С другой стояла женщина лет пятидесяти, как навскидку предположила Александра.

– Вы хотели с ней поговорить, – продолжала Ирина, глядя на свекра. – Вот, человек ради вас приехал, на ночь глядя.

Она говорила громко, сильно артикулируя, чтобы облегчить задачу чтения по губам, как догадалась Александра.

Мужчина пристально смотрел на невестку. Его глаза, водянисто-голубые, немигающие, уставились на нее с выражением напряженного внимания и жгучей бессильной ненависти. Александре достаточно было встретить этот взгляд, чтобы понять, какие родственные чувства питает старик к Ирине.

Женщина, стоявшая рядом с креслом, напротив, улыбалась и даже благожелательно кивнула гостю. Но в ее улыбке было столько яда, что Александра внутренне поежилась. «Угрозило же меня попасть в осиное гнездо!» Эти двое внушили ей настолько сильные опасения, что она не сразу решилась заговорить. «Старик не поверит ни одному слову, а эта мадам, кажется, заранее записала меня в мошенницы! Такая улыбка... Хуже гримасы!»

– Нишу пришлют через несколько дней, – сказала художница, стараясь, в подражание Ирине, четко артикулировать, чтобы мужчина мог читать по губам. – Обязательно!

– Вы поняли? – с нажимом уточнила Ирина, обращаясь к свекру.

Тот не шевельнулся. Его взгляд был по-прежнему прикован к губам Александры, хотя она молчала. Помявшись, женщина добавила:

– Через четыре дня ниша должна быть в Москве.

– А вы ее видели? – спросила Нина, с губ которой не сходила любезная улыбка.

– Видела! – с чистой совестью ответила Александра.

– А человек, который ее привезет, ваш родственник, друг? – не унималась Нина.

– Знакомый, – ответила художница, отрывисто и сухо, давая понять, что не расположена к развернутой беседе. – Я только что из Екатеринбурга, мы там встречались.

– Ясно... – протянула Нина и нагнулась к старику, заглядывая ему в лицо: – Ну что, Виктор, не стоит больше задерживать человека? Правда поздно!

Но старик не взглянул на нее. Вытянув шею, он поверх головы склонившейся к нему Нины смотрел на Александру. Его глаза расширились, губы беззвучно зашевелились. Внезапно он схватился за грудь, скрытую складками вельветового черного халата, надетого поверх свитера.

– Вам плохо? – бросилась к нему Ирина.

Нина, выпрямившись, отчеканила:

– Сама справлюсь, не в первый раз. Проводи свою подругу!

– Мы не подруги! – возразила Ирина.

– Все равно, проводи!

Не предлагая больше своей помощи, Ирина сделала Александре знак, и женщины вышли из комнаты. Закрыв дверь, Ирина приложила палец к губам и жестом пригласила художницу следовать за собой. Проведя ее к дальней двери, расположенной в торцовой стене прихожей, она отперла ее ключом и шепнула:

– Зайдите на минутку.

Александра молча приняла приглашение.

Оказавшись в комнате, Ирина заперла дверь изнутри, повернув колесико допотопного замка. Затем, словно силы разом покинули ее, опустилась на кушетку больничного образца, в изголовье которой лежала свернутая в виде голубца постель. Роль капустного листа выполняло истертое, местами дырявое байковое зеленое одеяло.

– Вы видели? – прошептала Ирина. – Старик смотрит на меня как на врага, эта, когда появляется, шипит с фальшивой улыбкой... Я всегда перед ними не права.

Александра промолчала. Она чувствовала, что молодой женщине не так важен ее ответ, как само присутствие, молчаливое участие. «Да и что тут скажешь? – спросила она себя, обводя взглядом комнату. – Все и так ясно. Незавидная жизнь. И ради нее она бросила профессию, рассталась с мужем...»

Ирина сидела, спрятав лицо в ладонях. Ее плечи не дрожали, всхлипываний слышно не было. Казалось, женщина оцепенела. Александра не решалась попрощаться, хотя задерживаться было недосуг. Но, вспомнив о статье, она ощутила лишь былое равнодушие к теме. Идеи, которые посетили ее этим вечером, уже не казались оригинальными, придуманные на ходу фразы выглядели банальными и пустыми. «Да куда статья не уйдет!» – сказала она

себе, переводя взгляд с предмета на предмет, по привычке скупщика антиквариата оценивая обстановку на предмет ценности и старины.

Ремонта в этой узкой, вытянутой в длину комнате с одностворчатым окном не было давным-давно. Александра увидела серый потолок с трещинами на штукатурке, выцветшие обои с невнятным рисунком, оконный переплет, покрытый густым слоем пожелтевшей масляной краски. Вся мебель стояла вдоль одной стены – кушетка, маленький обеденный столик, два стула, шифоньер с полированными дверцами – часть румынского или югославского гарнитура советских времен. Другой мебели не было. На полу, возле кушетки, лежал коврик, связанный из разноцветных тряпочек. На стене, над столом, висел календарь. За позапрошлый год, в чем, взглянув на цифры внизу листа, тут же убедилась Александра. Обстановка убогая, характерная для захудалой съемной комнаты. Художница с удивлением соотнесла эту неприглядную, грошовую мебель и нищенскую постель с дорогой одеждой Ирины. Та казалась случайной посетительницей в комнате, но никак не ее обитательницей. Молодая женщина как будто по ошибке на минуту заглянула сюда... Поверить в то, что она изо дня в день тут живет, не первый год, Александра могла с трудом.

«Не только живет, но и ухаживает за ненавидящим ее свекром, терпит его капризы. Да еще эта охотница за наследством, Нина, украшает существование...»

Внешность той женщины запечатлелась в ее памяти так ясно, что художница могла бы набросать беглый портрет Нины, не сверяясь с оригиналом. Небольшой рост, коренастая фигура, крепкие руки. Квадратное лицо с развитой челюстью, низкий широкий лоб, увенчанный короной из завитых, обесцвеченных до желтизны волос. Взгляд небольших, глубоко посаженных темных глаз – внимательный, цепкий, умный. Одетая женщина была без малейших претензий – серый свитер с высоким воротом, бесформенные флисовые брюки.

– Эта женщина, Нина, – произнесла Александра негромко, боясь нарушить тишину, вновь установившуюся в квартире, – откуда у нее такое влияние на вашего свекра?

– Да кто же знает? – с тоской вымолвила Ирина, уронив руки на колени и открыв раскрасневшееся лицо. Ее глаза были сухи, но блестели. – Вошла в доверие, и все тут. Была единственным человеком, который за ним смотрел пару лет, пока не приехала я. Он ей доверяет полностью, а она просто вертит им...

Александра недоверчиво покачала головой:

– Простая сиделка, да еще бывшая... Удивительно! А из-за чего вы ее уволили?

– Это решал Иван, не я, – Ирина пожала плечами. – Мне он предоставил самое легкое и приятное, – в ее голосе зазвучали дребезжащие саркастические нотки, – приехать и выставить ее отсюда...

– А он-то почему так решил?

Александра не ждала ответа. В конце концов, собеседница не обязана была озвучивать семейные дразги постороннему человеку. Но Ирина с готовностью ее просветила:

– Иван сказал, что она стала очень дерзко разговаривать с ним по телефону, необъяснимо дерзко! Намекала на то, что он должен держаться скромнее, что у него маловато прав ей указывать, – ее буквальные слова... Иван встревожился, ведь отец не мог с ним даже поговорить, он не слышал его голоса в трубке! Все разговоры велись при посредничестве этой женщины, а правильно ли она озвучивала отцу слова сына... Словом, нельзя было это так оставить. Я все бросила и приехала. Поверьте, я выдержала настоящую битву!.. Нина только с виду такая благожелательная, а на самом деле...

Внезапно Ирина осеклась и, вытянув шею, повернула голову к двери. Александре тоже послышался шум в коридоре. Теперь она отчетливо различила звук приближающихся шагов. Шаги остановились прямо за дверью. Ручка повернулась (художница с удивлением отметила, что ее сердце забилося при этом быстрее, хотя бояться было нечего) и вернулась в прежнее положение. Женский голос произнес:

– Ты здесь?

– Да, – не сразу ответила Ирина. – Я переодеваюсь.

– А эта, из Екатеринбурга... Она ушла? Я не слышала.

– Ушла, – хладнокровно заявила Ирина. – Что ей тут делать? А ты-то сама уходишь или ночевать здесь собралась?

Нина приглушенно рассмеялась.

– Уйду, не переживай. Вот чай Виктору заварю и уйду.

– Я заваривала чай в обед...

– Да я его выплеснула, пить же невозможно! Бурда. Ты никогда ничему не научишься толком...

И шаги удалились. Ирина вполголоса, с горечью заметила:

– Характерная сцена! Чай, конечно, я завариваю как полагается, не хуже, чем делает она. Но ей важно унижить меня, и в глазах свекра, и в моих собственных... Показать, какая я неумелая, безрукая... Нина мне сказала однажды, что, если бы я осталась во Франции и продолжала там в голом виде задира́ть ноги на сцене, толку было бы больше.

– Не мое это дело... – осторожно начала Александра, – но, кажется, разумнее всего было бы вызвать сюда вашего супруга. Только он один сможет успокоить старика и окончательно выгнать Нину.

– Это исключено, я вам уже говорила, – отрывисто произнесла Ирина. – Иван не приедет.

– Но если отец болен, почти при смерти, разве нельзя взять пару дней отпуска?! Неужели контракт настолько жесткий?

– Настолько, – мрачно ответила молодая женщина.

– Простите, – Александра смотрела на нее с недоумением, – но я никогда не слышала, чтобы человек не мог приехать к умирающему отцу. Может, я не слишком осведомлена о том, как все происходит в театральной среде...

– Иван незаменим, неужели не понятно? – с досадой ответила Ирина. – На нем держится все шоу. Если художник исчезнет хоть на пару дней, хоть на день, все окажется под угрозой. А это огромные деньги. Я два года объясняю ситуацию старику, а он не верит, и теперь вот вы...

– Я только спросила. – Александра коснулась дверной ручки: – Можно мне идти? Поздно уже.

Ирина, встрепенувшись, встала с кушетки:

– Погодите, надо дождаться, когда Нина уйдет. Я ведь сказала ей, что вас тут уже нет.

– Но не могу ведь я тут ночевать... А если она задержится?

– Посидите здесь тихонько, я ее попробую поторопить.

С этими словами Ирина отперла дверь, выскользнула в коридор. Александра услышала, как в замке снаружи повернули и вынули ключ.

Женщина со вздохом опустилась на кушетку. Она могла бы отпереть замок изнутри и уйти, не прощаясь. Но ей вовсе не хотелось столкнуться в передней с Ниной и выслушать неприятные вопросы, которые, как она догадывалась, та отлично умела задавать. Оставалось ждать.

Прислушиваясь к звукам чужой квартиры, художница различала где-то приглушенные голоса. Казалось, неподалеку ожесточенно спорят: один голос говорил быстро и словно сердито, второй отрывисто возражал. Слов разобрать было невозможно, но интонации звучали красноречиво. «Этак они до полуночи будут ругаться! – Александра взглянула на часы. – А мне-то что делать?!»

Внезапно в замке щелкнул поворачиваемый ключ. Женщина встала, ожидая увидеть Ирину и одновременно удивляясь ее внезапному возвращению, – казалось, именно ее голос она только что слышала. Но когда дверь отворилась, Александра оторопела. На пороге стоял хозяин квартиры.

Он оказался высоким, этот худой старик, закутанный в стеганный вельветовый халат. Тощая морщинистая шея торчала из ворота свитера, придавая ему сходство со стервятником. Застывшее страдальческое выражение глаз внушало сочувствие даже поневоле. Александра, внутренне занявшая сторону Ирины, все-таки жалела старика, которому не суждено было перед смертью повидаться с единственным сыном.

Виктор Андреевич стоял, подавшись вперед, опершись обеими руками на трость. Он пристально смотрел на Александру, его лицо не выражало и тени удивления. Казалось, он был заранее уверен в том, что обнаружит в комнате невестки только что ушедшую гостью.

Александра, сделав неловкий жест, который должен был символизировать извинение, проговорила, глядя ему в глаза:

– Я задержалась. Сейчас уйду.

– Стойте! – Слабый, бесцветный голос прошелестел, как сухой лист, растертый между ладонями. – Скажите...

Старик замолчал. Александра, глядя на него, гадала, сколько ему может быть лет. «Восемьдесят? Чуть меньше? А Ирина еще совсем молода. Сколько же лет ее мужу? Может, и он уже в возрасте?»

– Скажите... – повторил старик, едва шевельнув губами.

– Да? – вопросительно произнесла она.

– Вы давно ее знаете?

Он не назвал имени невестки, но Александра поняла, о ком идет речь: так неприязненно исказилось лицо мужчины.

– Я ее не знаю, – ответила художница. – Совсем не знаю.

Старик понял: он напряженно смотрел на губы Александры, пока она говорила, и слегка кивал, словно выделяя каждый слог.

– Не знаете, – утвердительно повторил он, когда женщина умолкла. – А нишу видели?

– Видела.

Виктор Андреевич смотрел выжидающе и тревожно, словно краткого ответа было ему недостаточно. Александра видела, что ее слова ничуть его не успокаивают, напротив, вселяют в старика едва ли не панику. И все же, теряясь в догадках, повторила:

– Я видела нишу. Ее привезут обязательно.

Виктор Андреевич внезапно махнул рукой, словно пытаясь отклонить удар, направленный ему в лицо:

– Лжете!

– Уверяю вас...

– Это кара Божья...

Александра едва различила слова, произнесенные на выдохе, и, потрясенная, переспросила:

– Как вы сказали? Почему?

Но он уже не смотрел на нее и не прочел по губам последних слов. Отвернувшись, тяжело опираясь дрожащей рукой о палку, хозяин квартиры побрел прочь по коридору и скрылся за дверью своей комнаты.

Женщина, потрясенная этим кратким разговором, осталась стоять на пороге. Она не собиралась больше прятаться, раз Виктор Андреевич ее уже видел. «Немедленно ухожу, – решила Александра. – Вру я так неуклюже, что не обманула даже старого больного человека, который к тому же ничего не слышит!»

Она сделала несколько шагов по коридору и остановилась возле приоткрытой двери, за которой виднелась укрепленная на четырех железных ножках кухонная раковина – старая, с отбитой эмалью, едва ли не ровесница той, что обитала в ее мансарде. Толкнув дверь, Алек-

сандра рассчитывала обнаружить в кухне Ирину: голоса споривших женщин доносились, как ей показалось, именно отсюда.

Но Ирины в помещении, довольно просторном и сильно запущенном, не оказалось. У окна, узкого и давно не мытого, стояла Нина и, склонившись над беленьким столиком, резала на доске овощи. Приготовленная кастрюля ожидала рядом. Нож так и мелькал в маленьких сильных руках, со стуком и шелканьем разрезая сырую крепкую плоть багровой свеклы. Женщина подняла голову и неожиданно приветливо улыбнулась растерявшейся Александре:

– А я знала, что вы еще не ушли. Когда бы вы успели мимо нас проскочить? Она все врёт. Все время!

– Где Ирина? – преодолевая неловкость, поинтересовалась художница.

– Я ее в аптеку дежурную послала. Лекарство кончилось. – Нина положила нож на доску и, сполоснув над раковиной окрашенные свекольным соком руки, вытерла их полотенцем. – Хотя какую-то пользу принесет. Вы с нею не подруги, значит?

– Мы не знакомы почти. – Александра горячо желала уйти, но медлила. Что-то удерживало ее в этой большой запущенной квартире, все сильнее тревожило и настораживало – и дело было уже не в испорченном заказе.

– Как же она вас нашла? – Женщина подошла почти вплотную. – Откуда вы вдруг взялись?

Художница, теряясь от такого напора, собралась было повторить отрепетированную историю, но Нина остановила ее решительным жестом:

– Ладно, здесь не место для разговоров, сейчас Ирина вернется. Пойдемте, поздно уже! Не то метро закроют!

– Мне в метро не нужно, – ответила Александра, все же следуя за Ниной к входной двери. Та сняла с вешалки пальто гостыи и буквально впихнула его ей в руки:

– Все равно я вас провожу! Подождите!

Женщина нырнула в дверь, за которой скрылся хозяин квартиры, и с минуту было тихо. Голосов Александра не слышала. Вновь появившись, Нина с раскрасневшимся лицом объявила:

– Велела ему спать. Виктору нервничать нельзя, а эта негодяйка заставляет его переживать... Скоро добьется своего, загонит старика в гроб. Идемте!

Накинув пальто, Александра подчинилась настойчивому приглашению. Дождаться Ирину не стоило – им нечего было друг другу сказать. Выслушивать жалобы молодой женщины на капризного свекра и подозрительную бывшую сиделку Александра больше не желала. Ее манило выслушать противоположную сторону, а Нина явно намеревалась высказаться.

Женщины вышли из подъезда и остановились, глядя друг на друга.

– Вы на машине или рядом где-то живете? – спросила Нина.

– Живу неподалеку, – сдержанно ответила Александра.

– Счастливица вы! Жить в центре не каждый может себе позволить! Я вот существую в комнате на окраине, туда ехать часа два.

– Значит, вам надо торопиться. – Художница вынула из кармана часы с оторванным ремешком и, поднеся их к свету фонаря, взглянула на циферблат. – Почти полночь.

– Ничего... Главное, в метро попасть, дальше уж все равно пешком... – отмахнулась Нина. – Пойдемте потихоньку к «Тургеневской»... Мне вам кое-что сказать надо...

Но, когда они двинулись по переулку в сторону бульвара, Нина внезапно сделалась молчаливой. Она не торопилась заговорить первой, а словно выжидала, не сделает ли это Александра, – такое впечатление создалось у художницы. «Если она так и будет играть в молчанку, мы расстанемся ни с чем!»

Эта мысль на удивление расстраивала ее. Александра повторяла про себя, что сделала все возможное, чтобы исправить ситуацию с испорченным заказом. В кратчайшие сроки нашла

отличного мастера, помогла клиентке оправдаться перед свекром... Но на душе у нее было нелегко. Взгляд больного старика, отчаявшийся, жалкий и вместе с тем полный жгучей ненависти и надежды, немо задал ей некий вопрос, который она никак не могла понять...

Нина остановилась, не доходя до бульвара нескольких метров. В шаге от нее из водосточной трубы бежала тонкая струйка талой воды, время от времени, обрызгивая ей плечо. Женщина этого не замечала. Она в упор смотрела на Александру. Та не выдержала:

– Ну что же? Мне-то нечего вам сказать. Это вы обещали...

– А я пытаюсь понять... – Нина заговорила неожиданно весело, словно ситуация ее смешила. – Вы правду говорите или обманываете? Ведь вот знаю, что обманываете, и Виктор все сразу понял. Но у вас такой честный вид... даже удивительно!

Александра, замешкавшись на миг, все же ответила:

– Я говорю правду. Мы с Ириной не подруги. Я ее сегодня впервые увидела.

– Может, и так... – Нина испытующе смотрела ей в лицо. – Но в остальном-то? Касательно ниши вы не можете говорить правду.

– Почему это? – Александра с вызовом подняла подбородок. Самоуверенный тон собеседницы ее возмущал.

– Вы наговорили бедняге, что ниша в порядке, ее на днях ваш знакомый привезет... А ниши-то никакой в помине нет. Давно уже!

У художницы бешено заколотилось сердце.

Перебарывая внезапно нахлынувшую дурноту, она пробормотала:

– Ниша есть, вы ошибаетесь. Я видела ее своими глазами.

Нина предостерегающе подняла руку:

– Неправда!

– А я говорю вам, ниша будет в Москве через несколько дней... – упорствовала Александра, впрочем, уже без энтузиазма.

Она поняла теперь значение жгучих ненавидящих взглядов, которые бросал старик на невестку, смысл выпада, направленного против нее самой. У нее запылали щеки, их не остужала даже ночная прохлада. Собеседница явно уловила прозвучавшую в ее сникающем тоне нерешительность и добавила уже более мирно:

– Вы не виноваты, это она наверняка вас подговорила! Так я и Виктору сказала. Ведь она научила вас, как врать?

Александра промолчала. «Надо просто повернуться и уйти, не продолжать разговор! – думала она, оглядывая пустой переулок, сказочно освещенный, лоснящийся от сырости бульвар, по которому проходили редкие прохожие. – Я не имею права подставлять заказчицу, не стоит вникать в эту историю. Мало ли что здесь творится? Ирина действительно соврала старику и меня заставила врать...»

Нина как будто улавливала ход ее смятенных мыслей. Спокойно, уже без тени прежнего напора, она пояснила:

– Ира преследует свои цели, а вас просто использует. И нас. Она всех использует! Нет ведь никакой ниши на свете, она давно разбита. Виктор это прекрасно знает. Он сам же ее когда-то и разбил! Сам, лично!

– Почему же он тогда... – вырвалось у Александры.

Нина мгновенно поняла и подхватила:

– Просил ее прислать? Да уж были причины. Хотел кое в чем убедиться... И убедился, бедняга!

Фонарь бросал на лицо стоящей напротив женщины причудливые тени, различить выражение ее темных глаз при таком освещении было невозможно. Но Александре почудилось, что они увлажнились. Когда Нина после паузы заговорила снова, ее голос слегка сел:

– Несчастный... До последнего надеялся...

– О чем вы? – не выдержала Александра. – Что происходит?

– Ира хочет ограбить старика, – бросила Нина. – Свести в могилу и ограбить. Я единственная, кто ей мешает, а то бы она уж давно справилась. Вы точно не подружки? Может, она вам заплатила за то, чтобы вы к нам пришли?

«Она говорит “к нам”, – отметила про себя Александра. – Собственно, Ирина ведь предупредила, что бывшая сиделка имеет виды на имущество Виктора Андреевича. Квартира в таком месте сама по себе – огромное состояние! А если это не все наследство?»

– Я ни копейки не получала от нее, – произнесла наконец художница. – Я была с ней не знакома до сего дня.

– Но как она на вас вышла? – возразила Нина. – Не на улице же остановила?

– Все-таки вы бы мне сказали прямо, что у вас происходит? – вопросом ответила Александра. – Я вижу, затевается какая-то махинация, но смысла ее не понимаю. Вы говорите, Ирина хочет ограбить старика...

– А она вам, небось, сказала, что воровка – я?! – неприязненно усмехнувшись, спросила Нина. – Да уж молчите, вижу, что так. Нет, у меня личных материальных интересов никаких. Я только хочу сберечь имущество Виктора для его законного наследника, для сына... – И негромко, будто про себя, после краткой паузы добавила: – Если тот еще жив.

...Внезапно упавший с темного неба ливень – первый весенний ливень, гремящий и ледяной, – заставил Александру отскочить под козырек ближайшего подъезда. Отряхивая промокшие волосы, она изумленно смотрела на женщину, которая спряталась от дождя, последовав ее примеру.

– Как вы сказали? – переспросила художница. Ей показалось, что она ослышалась.

Нина, невозмутимо утирая платком лоб и щеки, проговорила, не глядя на нее:

– Дело это темное, очень нехорошее. Вам, человеку постороннему, в нем не разобраться. Потому я и спрашиваю вас снова, кем вы ей доводитеесь? Если свои люди, лучше сразу попрощаемся. Если вы ее не знаете, выслушайте сперва меня.

– Я слушаю... – вздрогнув, не то от холода, не то от волнения, ответила Александра. – Но... вы не опоздаете на метро?

Собеседница, повернувшись к ней, негромко рассмеялась, приложив скомканный платок к губам:

– Так я и знала! Вы с ней заодно и не хотите тратить на меня время!

Александра вспыхнула:

– Пожалуйста, не выдавайте за действительность свои фантазии! Сами говорили, что боитесь опоздать на метро, а теперь как будто забыли об этом!

– Если опоздаю, вернусь ночевать на квартиру к Виктору, – просто ответила Нина. – Что же тут поделаешь? Не выгонит же меня Ира.

«Быть может, она и хочет опоздать, чтобы заночевать там! – пришло в голову Александре. – Представляю, как обрадуется Ирина... Этим она будет обязана мне!» Художница снова вынула часы и попыталась разглядеть циферблат. Было слишком темно: лампочка под козырьком не горела, а ближайший фонарь, с колпака которого лились струи воды, светил тусклее сквозь поднимавшийся туман. Воздух, насыщенный влагой, щекотал горло, вызывая нестерпимое желание откашляться. Александра глубоко вздохнула:

– Как знаете, вам решать, где ночевать. Я готова вас выслушать. Только мы здесь простудимся. Давайте дойдем до какого-нибудь заведения, выпьем кофе в тепле. Здесь много круглосуточных забегаловок.

– У меня нет денег ходить по кафе! – немедленно выпалила Нина.

– Я вас угощу, – Александра недоуменно пожала плечами. – Не беспокойтесь!

Зонта у нее не оказалось, пришлось тесниться под зонтиком Нины. Когда женщины перешли бульвар и добрались до кафе, работавшего всю ночь, дождь слегка поутих, но поливал город с ровным воодушевлением, которое позволяло предположить, что он зарядил надолго.

Войдя в зал, в этот час полупустой, Александра пробралась между тесно поставленными столиками в угол и, сняв влажное пальто, перекинула его через спинку стула.

– Наконец можно поговорить, – сказала она, присаживаясь к столику. – Что же вы? Садитесь.

Спутница, помедлив, последовала ее примеру, разделась и села. Вид у нее был мрачный, складки у губ прорезались отчетливее, она казалась старше пятидесяти лет, которые ей сперва дала Александра.

– Зря я затеяла этот разговор, – вымолвила она, когда официантка удалилась, приняв заказ на две чашки кофе. – Ни к чему он не приведет. Вы мне все равно правды не скажете, а я напрасно буду перед вами распинаться. И вы все передадите ей.

– Ирине? – Александра удивленно подняла брови. – А зачем? Я вам не лгу, мы не подруги. Она мне не платила, да я бы и не взяла денег за такое странное поручение... Но вы правы, нас связывают некоторые отношения... Рабочие, чисто формальные. Мой друг не выполнил кое-какие обязательства перед ней, и вот мне пришлось, в его отсутствие, всем заняться.

– И только? – недоверчиво спросила Нина.

– Больше ничего!

Нина сцепила маленькие крепкие руки, усеянные веснушками. Положив их на стол, она рассматривала клетки на пластиковой скатерти. Александра почти допила свой кофе и уже собиралась попрощаться, решив, что женщина не расположена откровенничать, когда Нина, не поднимая головы, вдруг заговорила.

– А что же мне делать? – Казалось, она адресовала слова не к собеседнице, а к своей чашке, на внутреннем ободке которой медленно таяла молочная пена. – Скажу я или не скажу – толку все равно не будет... Бедный Виктор, за что ему такой горький конец? Один как перст... Жену потерял, сына потерял, никого у него больше нет...

– Почему вы говорите, что его сын умер? – изумленно воскликнула Александра. – Откуда вы это взяли?

– Если вы ничего об этом не знаете, что вас так удивляет? – резонно возразила Нина. – Или... знаете все-таки?

Александра пожала плечами:

– Ирина сказала два слова о том, что ее муж работает за границей... Стало быть, он жив.

– Вам-то, конечно, достаточно двух слов, – заметила Нина.

– На что вы намекаете? Почему вы думаете, что он умер?

Взяв ложечку, Нина помешивала кофе, словно нарочно оттягивая момент, когда придется ответить. Наконец неторопливо произнесла:

– В двух словах не расскажешь, вы ничего не поймете и не поверите. Чувствую, мне придется-таки ночевать сегодня у Виктора. И к лучшему. У меня сердце не на месте, когда он остается с ней наедине... Неизвестно, что она сделала с мужем! Если бы не я, может, и ее свекра уже в живых бы не было...

Глава 4

Внезапно успокоившись, Нина заговорила размеренно и неторопливо, глядя в глаза собеседнице, даже смущая ее этим пристальным вниманием. Александра, слушая рассказ, все больше убеждалась в том, что и в самом деле столкнулась с запутанной историей. Новодельный гипсовый барельеф никак не выглядел хранителем таких зловещих загадок...

...Ирина, по словам рассказчицы, ворвалась в жизнь свекра грубо и бесцеремонно, как погромщик, и сразу завела свои порядки, убыстрившие угасание больного старика.

– Мы не ждали ее, не было речи о том, что она вдруг приедет! – Нина достала сигареты. – Иван звонил буквально за неделю до ее приезда и ни слова об этом не сказал. Я же сама с ним говорила, Виктор не слышит... И вот, на тебе! Откуда ни возьмись, явилась эта красотка! Знать-то мы знали, конечно, что Иван женился, но и только. Не видели даже свадебных фото. Они их якобы не делали! Вы можете в такое поверить?!

...Ирина вела себя агрессивно. Едва поздоровавшись со свекром, даже не спросив о его здоровье, молодая женщина принялась скандалить с сиделкой.

– Впечатление было такое, будто она всю дорогу продумывала, что скажет, как будет оскорблять меня... Наговорила чепухи, будто бы я имущество старика распродавала, деньги прикарманивала, будто на его наследство позарилась. А продала-то я всего пару картин, да кое-какие безделушки, по просьбе самого Виктора, чтобы ему лекарства оплачивать. И какие мы там за них деньги выручили, одно горе! Продавать ведь тоже надо уметь. – Выпустив дым углом рта, Нина усмехнулась: – Но Ирине-то этого не втолкуешь, она твердит о каких-то огромных деньгах. Понятно, о чем все ее мысли. Ради этого и приехала. Меня она не слушала, с Виктором поговорить толком не могла: тараторила, он ее не понимал, с непривычки. Сам так разволновался, что я «скорую» вызывала. Понимаете, он увидел Ирину, решил, что и сын приехал, хотя тот и не обещал...

Женщины поссорились в первый же день. Нина не отрицала, что вспылила и, не удержавшись, высказала гостье много лишнего.

– А с другой стороны, – философски заметила она, – даже если бы я смолчала, вытерпела... Что бы изменилось? Она же добивалась, чтобы я ушла. Выкинула мои вещи на лестницу, можете себе представить... Устроила представление для всего подъезда! Я сказала, что могу и уйти, а Виктор только рукой махнул. Жена сына все-таки, Иван для него единственный свет в окошке... И к тому же она твердила, что Иван ей велел меня выставить. – Нина пожала плечами: – Когда я говорила с ним незадолго до ее приезда по телефону, он словечка грубого не сказал. Больше, правда, не звонил... Ни разу его голоса с тех пор не слышала. Вот и подумайте...

Повисла многозначительная пауза, в течение которой Нина успела выкурить еще одну сигарету. Александра, ожидавшая продолжения, нетерпеливо спросила:

– К чему вы мне это рассказываете? Я не понимаю.

– Ну как же? – Нина остановила на собеседнице загадочный взгляд темных глаз, жестких, тусклых, как у каменной статуи. – Я же объясняю: она приехала без предупреждения, мы ее не ждали, а Иван после ее приезда звонить вдруг перестал.

– И... какой смысл вы во все это вкладываете? – нахмурилась Александра.

– Боже мой... – Нина разогнала дым, повисший перед ее лицом, и раздраженно качнула головой: – Вы не хотите меня понять? А ясно, кажется: мы ее никогда не видели прежде, даже на снимках. И тут вдруг она является, выгоняет меня из дома. После этого Иван якобы звонит еще не раз, но уже ей, а она все разговоры передает свекру. Я его голоса больше не слышала!

– То есть, – медленно проговорила художница, – вы хотите сказать, что, может, он вовсе и не звонит?

– А как проверить? – парировала Нина.

– Погодите, – женщина приложила ледяную ладонь к горящему лбу. – Да это просто нелепо!

Ее мысли еще путались, но смысл слов собеседницы постепенно прояснялся. Истина, ужасная, но все же вполне вероятная, начинала приобретать более отчетливые очертания. «Ведь, может, так и есть... – твердила она про себя. – В самом деле, если старик не в состоянии взять трубку и услышать голос сына, которого не видел несколько лет, как он может быть уверен в том, что сын жив?! Что это за контракт, который не позволяет навестить умирающего отца? Мне это сразу показалось подозрительным...»

Нина не торопила ее с ответом, казалось чувствуя напряженную работы мысли собеседницы. Наконец Александра вымолвила, с тревогой взглянув на нее:

– Но есть же другие пути проверить, жив он или нет! Можно позвонить ему во Францию. Вы же наверняка знаете номер?

– Тот, с которого он звонил прежде? – мгновенно откликнулась женщина. – Знаю. Но этот номер больше не отвечает.

– А что говорит Ирина?

– Да что она говорит? – пожала плечами Нина. – То, что всегда. Иван, дескать, переложил все заботы об отце на ее плечи, а мне больше нечего соваться в их семью. И новый его номер мне не нужен, это лишнее! Она сама позвонит мужу, если будет необходимость. Виктор ничего не может предпринять. Он совершенно бессилен.

– Но ведь у Ивана наверняка есть какие-то старые друзья в Москве? – предположила художница. – Они могут попробовать его найти, хотя бы через социальные сети. Можно даже подать в розыск!

Нина, снисходительно выслушав ее, улыбнулась:

– Теоретически все можно. А на практике сложнее.

Оказалось, что со времени своего отъезда Иван не поддерживал связей со знакомыми и прежними сослуживцами. Нина была убеждена в том, что и в Сети у него контактов нет.

– Он никогда всем этим не интересовался, другого склада человек! Понимаете, пока Иван звонил, все было нормально, мы не беспокоились, что потеряем его, а вот сейчас... Со слов Ирины, он звонит регулярно, только проверить нельзя... Вдруг за него звонит кто-то другой?! Виктор сам не знает, что делать. Сегодня он думает так, завтра иначе. То ему кажется, что все в порядке, то что Ивана давно нет в живых. Родительское сердце покоя никогда не знает.

– Мне все это тоже кажется странным, – призналась Александра. – Иван мог бы прилететь хоть на сутки. Да пусть на несколько часов – просто повидать отца и успокоить его. Даже не обязательно выпадать из графика, если уж контракт такой бесчеловечный.

– Да, да, – кивнула Нина. – Слово в слово я то же говорила Ирине. Она слушать не желает, твердит, что мы ничего не понимаем. В том-то и дело, что она нас ни во что не ставит! Если бы я бросила Виктора, неизвестно, был бы он теперь жив.

– А что это за история с нишей? – поинтересовалась Александра. – Зачем было просить ее привезти, если Виктор Андреевич знает, что ее давно нет?

– Это была его идея, – вздохнула женщина. – Виктор хотел проверить, верны ли его подозрения. Дело в том, что Иван точно знал – ниши давно в помине нет. Если бы Ирина передала ему эту просьбу, он бы это ей объяснил и дело бы кончилось простым отказом. А она, видите ли, где-то откопала похожую нишу... То есть с Иваном она не советовалась, раз ничего не узнала. Это все равно как если бы Виктор попросил ее передать сыну, чтобы тот навестил давно умершего человека. А в ответ услышал бы, что Иван все выполнил и навестил покойника. Значит, очень вероятно, что его нет в живых, как мы и думаем!

– Не обязательно! – возразила Александра. Положив локти на стол, она подалась вперед и понизила голос – их разговор, ставший очень эмоциональным, уже привлек внимание пары

за соседним столиком. – Предположим, Иван и Ирина просто решили дать старику напоследок то, что ему так захотелось иметь...

Нина иронично подняла брови:

– Конечно, ради наследства еще и не то сделаешь... Нет, вы уж ее не защищайте. Старик Ирину совсем не волнует.

– Вы все драматизируете, – терпеливо ответила художница. – Неудивительно, уж очень долго нет прямых контактов с Иваном. Как бы уж там ни было, он должен навестить отца, чтобы у того не возникали такие мрачные мысли. Ведь это тупик! Виктор Андреевич будет ненавидеть невестку все больше, напридумывает себе разных ужасов, а при его здоровье... Чем он болен, кстати?

Нина отмахнулась:

– Всем сразу. Ну и как же выйти с ним на связь, с нашим блудным сыном? Ирина ни за что не даст новый телефон. Это ее принципиальная позиция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.